

К84.09
К 89
К-49667

ДИМИР КУЗЬМИН

ВЗЛЕТ

К-049667

- ВУРНАРЦЫ!

ВЗЛЕТ

кп

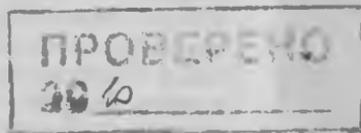
Заслуженный работник промышленности Чувашской Республики Николай Алексеевич Семенов был не только отличным организатором производства (после окончания Московского технологического института мясной и молочной промышленности, успешно работал начальником цеха в Чебоксарском мясокомбинате и директором ОАО «Вурнарский мясокомбинат»), но и любителем искусства, дружил с земляками: известными певцами, художниками, деятелями культуры.

Взлет его духовного вдохновения был и остался взлетом творческого труда и мужественной жизни.

Чувашский писатель Владимир Прокопьевич Кузьмин родился в 1937 году. Родина его — Хорнзорская земля Вурнарского района Чувашии. С малых лет трудился в колхозе. Его именем названа одна из улиц родной деревни. Служил в Советской Армии. Получил высшее образование. Сорок шесть лет работал в республиканских средствах массовой информации. Журналистские и литературные труды отмечались призами всесоюзных, всероссийских и всечувашских творческих конкурсов. Он награжден почетными грамотами ряда союзных, российских министерств и союзов журналистов СССР, РФ.

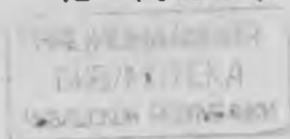
Пишет на чувашском и русском языках. Автор многих очерков, фельетонов, повестей, романов, пьес.

Кузьмин В.П.

ВЗЛЕТ. Повесть. — Чебоксары: «Новое Время», 2007. — 96 с.

K-49667

© Кузьмин В.П., 2007.

ВЗЛЕТ

Повесть

1.

Из министерства Симунов вышел в приподнятом настроении. Работники отдела пищевых продуктов дали ему хорошие советы, познакомили с новшествами из специально выпущенного рекламного набора. Есть, оказывается, в мире люди умнее нас. Вот, английская фирма «Биттерлинг» выпускает сложное оборудование для очистки и промывки кишок домашних животных. Конечно, стоимость его может чувствительно потрошить финансовые карманы, но если приобрести его и наладить цех по убою скота, то в комбинате могут произойти значительные заметные изменения. Повысится производительность труда, увеличится экономия, колбасную начинку не шуршащей пленкой завернешь, а заполнишь в пищевую кишку. Покупателям больше нравится такая колбаса, значит, расширится и умножится сбыт.

Все же Николай Алексеевич не стал спешно покидать правительственное здание, изучающе пристально посмотрел на стоящего у входных дверей милиционера, скупающего без дела. «Вот этого бы борова заставить попотеть месяца два-три в убойном цехе», — подумал он и вновь поднялся на второй этаж, где зашел в приемную министра сельского хозяйства.

— Кошкина нет, — как всегда ответила секретарь, проводящая время без дела, держа ладони на груди. — И не будет сегодня.

— Где-то охотится за мышами хитрый кот...

— Нет, не мышей ловит, поехал в Москву ругаться-подружиться тамошними крысами, — на шутку шуткой ответила хозяйка комнаты.

Симунов намеревался просить министра помочь закупить английское оборудование, даже догадывался, что тот может ответить на это, и заранее ожидал, что скажет: «В сегодняшней жизни самому следует шевелить мозгами, родимый», и с тем выпроводит. Но внутренний неуемный пыл все же заставил его прийти сюда на поклон. Чувствуя, что от министерства не получить ни одной копейки, Симунову невольно пришлось залезть в свой карман. Новое оборудование для мясокомбината вынужден будет приобрести на средства артели. И сам он человек не маленький, «генерал», жди-ка спокойно, когда «маршал» Кошкин соизволит открыть для него денежный ларчик.

Шиш тебе, если нужно, сам суетись. Из-за того что не удалось поговорить с «маршалом» — министром, не стал расплывать приподнятое настроение в тумане, прибыл в Вурнары со скоростью радующей мечты. Попутно заехал в Приозерное. Задумчиво прошелся вдоль берега глубинного озера, расположенного за деревней. Вскоре придется ему качать отсюда воду в комбинат. Следует проложить десять километров трубопровода, построить насосную станцию. Только после этого предприятие заработает рентабельнее, еще успешнее. Сейчас оно задыхается из-за нехватки воды.

В покрытой черно-бурыми волосами голове сейчас свили гнездо две его значимые задумки. Обе занимательные, обе поднимают его на крыльях, постоянно беспокоя, придают силы. Разрешить кишечный вопрос директору может помочь длительное путешествие. В кожаной папке прячется еще одно его счастливое крыло. На следующей неделе, прибыв в Москву, сесть в самолет и... удачно лететь и приземлиться на незнакомой ему древней стране. В Великобритании сын Главополья почти месяц будет наслаждаться в сфере могущественного государства. Посетит фирму «Биттерлинг». Поэтому сегодня же начнет готовить бумаги для соглашений. Девушке с черемуховыми глазами прямо с порога приказал:

— Срочно свяжись с Москвой!

— С кем именно?

— Сказано тебе с Москвой?!

— Хорошо, вот, 085... — оставила она взгляд в горящие как утренняя заря глаза шефа. — Дальше?..

Симунов, омыв лицо девушки теплой волной приятной улыбки, поднял правую руку и большим пальцем коснулся ложбинки между грудями через прорезь блестящего платья. Маришка стеснительно взяла руку мужчины, будто клещами обжигаяще сжала.

— Дальше какие цифры?..

Хозяин кабинета, поглаживая отстраненным от ложбинки пальцем волосы секретарши, сквозь теплую улыбку ласково сказал:

— 555-58-80.

Похожий на молодую березу стройный стан девушки вздрогнул, тонкие края приятных губ мелко подражали, идущий изнутри голос мелодично зазвенел:

— Хорошо, сейчас, Николай Алексеевич... Есть еще срочное сообщение.

— Какое? — встревожился директор. — Не авария какая-нибудь?.. Не рекламация?..

— Нет, нет, в комбинате все в порядке.

— Тогда что?!

— Из Будапешта звонил господин Дьер. Они много шкур просят. В два раза больше...

— Это хорошая новость. Пока я разговариваю с Москвой, разыщи моего заместителя и начальника производства. Ко мне! Главного бухгалтера тоже...

Перешедшая от лирических чувств волна трудовой деятельности вмиг заполнила просторный кабинет генерального. Николай Алексеевич не успел расположиться за столом, как раздался звонок телефона. Оказывается, Москва. Из представительства фирмы «Биттерлинг» в России. Симунов сообщил по какому вопросу он их беспокоит, дал согласие приобрести один агрегат. Те остались довольны. Все дальнейшее зависит от главного бухгалтера Липовой.

— Вера Владимировна?..

Царица финансов, привыкшая понимать своего начальника с полуслова, тут же прикинула в уме.

— Чистый доход нынешнего полугодия должен составлять двадцать пять миллионов рублей.

Немногословный Николай Алексеевич немножко подумал и, сжав кулаки, решительно сказал:

— Нам позарез нужен агрегат по промывке кишок. Сегодня нашли его, завтра необходимо приобрести. Есть в Англии. Вскоре я отправлюсь туда. Увидев своими глазами, по чувашскому обычаю потрогав своими руками и убедившись... купим. Так что. Прибыль уйдет туда. Вот, пожалуйста, реквизиты фирмы, Вера Владимировна. Окончательное решение будет в Лондоне. Разрешим по телефону.

Если директор, крепко сжав кулаки, облокотится на стол, здесь уже знают, что будет дальше. В голове Симунова зародилась решительная задумка. Он не успокоится, пока не разрешит ее, и никому не даст дремать.

Отпуская подчиненных ему начальников по рабочим местам, «генерал» на время задержал Андреева. В душе начальника убойного цеха, проворного, остроглазого, среднего роста чувашского мужчины поднялось беспокойное волнение. Догадываясь об этом, Симунов положил свою тяжелую руку на его плечо.

— Не ругать и не читать нотацию задержал я вас, Николай Петрович, лишь немного посоветоваться. Присядьте рядом.

Андреев сел рядом с генеральным директором.

Мы с вами вроде подняли цех на современный уровень.

— Почему только «вроде», Николай Алексеевич? — вскочил Андреев. — Ничуть не хуже остальных мясокомбинатов Чувашии. Даже

лучше. Побывал везде, и в Чебоксарах... Конечно, с ними не сравняться. Когда начали нас прижимать, как их баловали!

— И не говорите, — тяжело вздохнул Симунов. — Новый комбинат в Чебоксарах заработал в восьмидесятом году. После завершения учебы в Москве и я участвовал в его пуске. А сколько нового оборудования установили. Бригадой в тридцать человек. Я же тогда руководил службой главного механика. Через восемь лет прибыл сюда и... Испугался. Нет ни одного нового оборудования как в столичном комбинате.

— Да, возились по-старому, — в окно на громаде цехов уставился Андреев. — Хорошо еще, что прежний директор Мигулай Синица-Синичкин — до вас заставил покрыть полы цеха закрепленными кислотой плитками, установил новые компрессора, привел в надлежащий порядок место забоя скота. Тем не менее... Эх, как не хочется вспомнить то время... — махнул он рукой и вновь сел рядом со своим начальником. — В те годы, когда за Чебоксарским мясокомбинатом старательно ухаживали и поднимали его чуть ли не до небес, нас готовы были затоптать в грязь... Туши коров и свиней приходилось возить на тележках, да и скот перестал поступать в комбинат. Хорошо, что Бог дал нам счастье. Вы для нас оказались как спустившийся на Землю к людям Христос.

Николай Алексеевич пристально посмотрел на него, погрозил большим пальцем.

— Позволю я вам захваливать, вот возьму да закачу выговор, чтобы впредь неповадно было лебезить перед начальником.

— Я... что., — осекся Андреев. — Я высказал то, что люди говорят. Наш коллектив так оценивает вас. Послушайте, Николай Алексеевич, действительно, вы поставили нас на ноги. Мы готовились было коллективно уйти отсюда. Когда в цеху установили конвейер транспортировки туш, мы изменили свое решение. Вы сами тогда неделю не выходили из цеха, засучив рукава тужились вместе с монтажниками, электросварщиками. На небольшом участке соорудили круговую воздушную рельсовую дорогу. С какой радостью толкая повели повешенные вниз головой туши коров по рельсу к месту ошкуривания.

— Ха, что же делать еще инженеру-механику? Я ведь в Чебоксарах на комбинате руководил цехом по установке и уходу техники. Немало проделывал такую работу! Для меня это...

С этого, с того конвейера началась большая надежда. «Этот молодой начальник, еще почти юноша, зачищает мусор со всех углов, наводит порядок, обновляет весь технологический процесс, попробу-

ем поработать с ним», — начали говорить тогда ветераны комбината. И не успели опомниться, как во всех шести отделах цеха заметно сократился ручной труд, люди начали привыкать к механизации и автоматике. Когда установили автоматы по ошкуриванию, и я был немало удивлен. Как просто работает, и на качество не пожалуешься.

— Когда мы еще начнем машиной чистить и полоскать кишки... — не подходя к звянящему телефону продолжил Симунов. — Весь процесс убоя скота наладится на высоком уровне. Следует подумать, где и как установить это дорогое оборудование. Нам с тобой сейчас вот над чем необходимо ломать головы. Не о выведении начальника к славе, а о нахождении удобного места нужно рассуждать. Цех не резиновый, не растянешь его. В ближайшее время не сможем построить более крупное и объемистое здание для вас, расширение будет идти в сторону увеличения ассортимента продукции. Пойдем, на месте посмотрим.

Привыкший мыслить и рассуждать в себе Симунов мысленно даже поругал слишком разошедшего в беседе начальника убойного цеха, но тот, видимо, не понял его, все раздувал разгоревшийся разговор. Спустившись со второго этажа конторы, они прошли через проходную и неспеша ступили на территорию комбината.

— Все равно не сумели уничтожить нас, — повернув голову в сторону директора, говорит Андреев. — Сами застряли в грязи. Эх, дураки, как хвастались, шумели вначале. «Комбинат-гигант горы мяса превратит в горы золота», — пытались убедить народ.

— Вы опять о чебоксарских что-ли? Вспомнили события пятишестилетней давности?

— Конечно, это. Кто же забудет то время, когда вы, прибыв сюда из Чебоксар, совершили финансовую революцию, а мы обулись в лапы с позолоченными оборами.

— Опять про меня... Откуда свалились вы на мою голову? — в замешательстве засмеялся директор. — Сегодня у меня в голове все мысли о кишках, а у вас... хвалебные оды. Симунов подумал было, что случайно споткнувшийся об кусок отколовшегося асфальта начальник цеха потерял нить мыслей, но не тут-то было, тот хочет довести ее до конца и продолжает говорить:

— Создали же в Чебоксарах открытое акционерное общество? Сокращенно называемое ОАО?

— Ну, создали. В комбинат объединились триста шестьдесят сельскохозяйственных предприятий и фермерских хозяйств. Лишь на год хватило пара у раздутого как дирижабль великана. Гремевшим новой мощью мясокомбинатом «Чебоксарский», будучи патриотом

Улыпа-Богатыря, и я некоторое время гордился им, в то же время рождалась во мне зависть, — генеральный сам тоже незаметно охотно втянулся в разговор. — На весь мир прогремели ведь!.. Помните, существовало шумное течение под названием «Послы американского народа»?

— Как же не помнить, — подхватил Андреев, воодушевляясь приподнятым настроением своего начальника. — Ведь в девяносто пятом их наградили медалью «Факел Бирмингема» институт всемирной академии торгового бизнеса и всемирной финансово-экономической конкуренции?

— Ха-ха, — засмеялся Симунов. — Лопнул пузырь дирижабля, и дуновение его воздуха напрочь потушило пламя того факела бизнесменов Соединенных Штатов Америки. Какую непоправимую ошибку допустили они, наши чувашские правительственные чиновники, догадываясь поняли только тогда, когда республику покрыла сплошная тьма. Ну да, они ведь забыли утопию развития сельского хозяйства шестидесятых-семидесятых годов — неосуществимый признак сказок. Загоняя коров, свиней, овец, кроликов в крупные комплексы, опозорились, остались ни с чем и стали нищими. На этих скопищах скот приходилось кормить привезенными откуда-то издалека фуражным кормом. Это время напоминает тот исторический случай, когда в прошлом веке насильно загоняли мелкие крестьянские хозяйства в одну артель. Распались крупные комплексы, разорились. Хорошо, что мы, взяв в свои руки, сумели сохранить свиноводческие комплексы нашего района и соседей, ибресинцев. Сейчас сами для себя разводим свиней.

— И это ваша заслуга... Вы проявили в Чувашии инициативу и объединили их к себе. Настояли! Положили на лопатки противников прогрессивной перестройки в сельском хозяйстве.

Симунов сейчас не только пальцем, а кулаком погрозил «льстеца» и решил закончить свое слово:

— «Чебоксарский» обанкротился. А почему? Под опекой правительства они процветали. Их во всем обеспечивали сверху. Но когда страну захлестнула волна рыночного течения и всем предоставили самостоятельное плавание, они на корабле «Купи-продай — обогащайся» не смогли продвинуться вперед, нырнули в омут. Комбинат не смог вовремя выплатить деньги продавцам скота. Тут же проворные соседи налетели в Чувашию как полчища саранчей. Они закупаемый ими по дешевке скот выплачивают сельчанам тут же наличными. А хозяйства и фермеры, заключившие до этого с комбинатом «Чебоксарский» договоры, махнули на него рукой, начали искать тех,

кто рассчитывается вовремя. Конечно, из-за комбината-гиганта не грызть же им сосновую кору. Вот поэтому-то возившие к нам скот триста хозяйств из пятнадцати районов подняли и обогатили нас и сами не остались в накладе, получили немалый доход. А комбинат «Чебоксарский» в позапрошлом году на дне Рыночного моря из-за нехватки воздуха чуть не захлебнулся. Мясокомбинаты Канаша и Шумерли, как и чебоксарцы, дошли было до грани закрытия. Алатырцы держатся на неизвестном из какой страны заграничном замороженном мясе, привезенном из Москвы. В то время как казанцы, симбирцы, нижегородцы тащат откормленный скот, как говорится, из-под их тощих задов. Каждый продает своих свиней и крупный рогатый скот тому, кто больше и своевременно платит, к тому же сразу — наличными. А знаете, сколько скота продают хозяйства Алатырского района своему комбинату?

— Наверное, половины потребности мясокомбината будет?

— Скажете тоже. Около двух процентов от необходимого продали. Козловцы добились республиканского рекорда. Нашим мясокомбинатам они продали всего полпроцента откормленного скота. Действительно заслуживают президентской премии. Видимо, соленые волны рыночного течения ворвались в кабинеты тузов, сидящих в Белом доме. Протирая затуманенные глаза, начали бить в набат. И Кабинет Министров, и министерство сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности начали кормить комбинат грудным молоком, тужась, надули и вновь оживили, подняли ввысь. А кто нам помогал? За десять лет моего руководства комбинатом, правительство нам выделило всего-то жалкие гроши. А сами мы только в прошлом году перевели в бюджет более полумиллиона.

— Это же мы! Сами проворные, — высказал свою надежду начальник цеха. — Вот научимся очищать кишки и полоскать их...

— Надо учиться, совершенствоваться, Николай Петрович. Нужно смотреть вперед. Нужно видеть, что мелькает там. Законы экономического развития ой как жестки. Вовремя не сообразил, тут же заключат в клетку нищеты. Вон, как время показало. Если не подчиниться тем законам, если не схватить крепко их за рога, и нас, ай-яй, как заставят чесать затылок.

Директор долго пробыл в цехе, старался разрешить вопросы работников на месте же.

Месяц май и Вурнарскую сторону сушит, облизывая языком жаррица. Никто не знает, когда немножко охладится начавшаяся с утра знойная погода. В небе не видно ни одного лоскутка тучи. Зато над дорогами поднимаются облака пыли. Воздух стал душным. Вспотевший в цеху Симунов, выйдя во двор комбината, расстегнул рубашку нараспашку, освежил тело. Будто по его просьбе между продольными зданиями возник ветерок и унес из-под носа специфический запах отходов от мясных туш. Этим неустранимым запахом, может, насквозь пропитались и одежда, и сами тела работников комбината. Они к нему привыкли и не слишком-то чувствуют. И для Николая Алексеевича он стал родным запахом. Тем не менее душа тянет его на простор, в уголки с чистым воздухом.

Несмотря на то, что была необходимость в нескольких разговорах по телефону, он не стал спешить в кабинет, и бухгалтерские бумаги решил разбирать попозже. Его сейчас тянет плодово-ягодный сад, расположенный вдоль железобетонного забора. Он медленно зашагал между распутившимися деревьями.

Вон, за яблонями, посаженными по указу директора Синицына, начинается его сад, заложенный десять лет назад по переезду из Чебоксар.

На границе двух садов, разведенных по инициативам Мигулая Синицы и Мигулая Симуна, растет одна удивительная яблоня. Она с комля разветвлена на два ствола, один — боровинки, другой — аниса. Кому пришло в голову в Батьревском плодопитомнике привить к одному черенку два сорта? К тому же, ни в чьи другие руки не попал этот росток. Пустил корни под носом Мигулая Симуна из Главополья. Может, случайно? Или по явлению природного круговорота? Или по воле Бога? До сих пор не может понять Симунов этого чуда природы и не находит ответов на эти вопросы. Время от времени приходит сюда и садится на скамейку, поставленную тут по его велению, уходя в глубокие думы, наблюдает за качающимися ветками, слушает шелест листвы, когда поспевают яблоки, аппетитно ест их. Анис освежает его душу, прибавляет аппетит. Боровинка придает сладость полости рта. Два сорта совместно доставляют хмельную сытость, утоляют голод.

Не только голод желудка не дает покоя здорового полных сил мужчину, более беспокоит его сердце голод души. В последнее время все настойчивей тянет его сюда эта скамейка. Ему показалось, что пригнувшаяся от дуновения ветра со стороны деревни Угнер ветка будто хочет обнять его. Со стороны расположенного недалеко отсю-

да автовокзала полетели до слуха лирическая мелодия и тонкий ясный голос:

Взявшись, коль, за руку, я с тобой пойду,
Счастье непременно я свою найду.
Широка дорога, и легко дышать,
Обретая крылья, ввысь летит душа.

Если выбрать в жизни цель с тобой одну,
Есть у нас надежда обойти страну.
Широка родная, доблестная Русь,
Нашими делами расцветает пусть.

Молодцы и в пляске оба мы с тобой,
Пусть гармонь играет, в споре с ней — гобой.
Пусть сердца обоих бьются в унисон,
И любви быть явью, а не сладким сном.

Неужели это голос Зины Крыловой? Иногда передают из Москвы по радио... Она, точно она, эта легкокрылая певица поет:

Мы с тобой заходим в летний сад любви,
Друг на друга смотрим, яблоню обвив.
Плод любви протянем: я — тебе, ты — мне,
Разве мы забудем о счастливом дне?

Песня напомнило туманное прошлое четверть вековой давности и четко явила перед глазами. Симунов как наяву представил, что вот рядом с ним стоит девушка из Москвы и неотрывно глядит на яблоню, затем оборачивается к нему и, чуть скривив тонкие губы влево, в улыбке обнажает белые-белые красивые зубы, вперив черемуховые светлые глаза в его глаза, будто бы ласково шутит:

— Мигулай-Никулай, сиди дома, не гуляй...

За кипевшим, как вода в котле, желанием он протянул жаждущие нежного женского тела мужские руки вперед... Вместо стройного стана Крылатой Зиночки в объятиях оказался ствол яблони...

А двадцать пять лет назад... Тогда студент Московского института мясной и молочной промышленности Николай Симунов приехал в Чебоксары на производственную практику. Свернув с проспекта Мира в переулок Мясокомбинатский, он вскоре отыскал объект своей дипломной работы. Парня приняли с радушием, ознакомили с историей комбината и нынешним его положением, поручили помочь механику.

В кирпичном здании бывшего женского монастыря по улице Коммунальная слобода в тридцатом году прошлого века двенадцать че-

люди начали выпускать колбасу. Даже в пятидесятом году артель не превышала пятидесяти работников. Тем не менее в год они выпускали двести тонн мясных продуктов и шестьдесят тонн колбас. Комбинат, куда Симунов прибил на практику, был открыт в пятьдесят седьмом году, ныне в сутки он может выпустить десять тонн мясных продуктов и две тонны колбас. Для небольшого города и этого достаточно.

Когда город стал разрастаться, «дальний» комбинат за железной дорогой очутился между высокими домами, «вкусным» запахом начал дразнить горожан. Производителей сытных продуктов из столицы вновь выпроваживают подальше от городской черты, аж впрямь до Кугесь и на девятом километре по Канаашскому шоссе начинают забивать сваи под корпуса нового комбината.

По пути в деревню Мигулай Симун заглянул туда, познакомился с новым директором Турковым. Николай Михайлович обнадежил его с получением диплома предоставить соответствующую должность на комбинате, заверил, что непременно пришлет в институт официальное приглашение.

В деревню Мигулай вернулся окрыленным. Их деревня расположилась вдоль берегов речки Санар. В старину здесь шумел дремучий лес. Появившиеся чувашаи вырубали деревья, выкорчевали пни, начали осваивать новую землю. Так как поле начиналось с речки и свое постоянное поселение называли Голова Поля, а впоследствии — Главополье.

Вернувшись в Чебоксары, он отпросился у начальства на время уборки и засучив рукава помогал отцу работать на комбайне.

Отец его проворный, сноровистый. На войне громил фашистов на танке, в армии прослужил семь лет. Демобилизовавшись, работал наравне с лучшими механизаторами машинно-тракторной станции, которая обслуживала колхозы. В то время у коллективных хозяйств, кроме автомашин, своей обрабатывающей техники не было.

Маленький Мигулай рос, крутясь возле отца, проникаясь любовью и уважением к металлу. Не отлучался от него все лето, вплоть до начала занятий в школе. Впервые самостоятельно повел трактор, начиная от Шайтанового оврага. Переполненной горделивой радостью, он проворно спрыгнул с кручи и выскочил на просторный луг. А сколько глотал пыли, сидя за штурвалом комбайна «Коммунар», ведомого на прицепе трактором. Когда списали на металлолом «коммунар» на стальных колесах, в МТС прибыли самоходные комбайны «СК-3». Один из них доверили Алексею Симунову, другой — парню из соседней деревни Хорнзор Косте Васильеву. Два танкиста, два

капитана «кораблей нивы» соревновались друг с другом. В бункера этих комбайнов в секунду сыплется три килограмма обмолоченного зерна. Поэтому их называли «самоходным комбайном-3». И хозяев кораблей во многих местах с насмешкой звали прозвищем — Эскатри. Отец постепенно научил Мигулая управлять штурвалом «корабля». В тот год, когда начал учиться в Ораушской средней школе, он самостоятельно сделал на комбайне один оборот, тогда и совершил в мыслях еще один полет. В каникулах до получения аттестата, и в летние месяцы во время учебы в Москве постоянно находился рядом с отцом в поле. Славу объединенного хозяйства «Победа» поднимали переходящим красным знаменем. Помогал отцу получить два ордена и три медали. И нынче, в семьдесят пятом году, паля крепкое тело под солнцем и пылью, укрепил мускулатуру, крутя руль. Опять они в Вурнарском районе — самые передовые!

Сейчас он, после того, как помог отцу привести в порядок и смазать комбайн, сел за бумаги, прихваченные из Чебоксар для дипломной работы. Мать вырастила и откормила трех свиней, две из них решили сдать государству. Одна свинья, годовалая телка, три барана, гуси, утки, куры хватят на зиму и в лето выйдут с мясом.

На следующий день свиней погрузили на колхозную машину и с отцом прибыли в Вурнары. Перед мясокомбинатом с двух сторон тянутся длинные очереди. Главопольцы тоже встали в очередь. Коровы, телята, быки, свињи и за три дня не успеют исчезнуть за воротами комбината. И за ними прибавляется хвост. Злясь на тех, кто ухитряется разрешить вопрос помимо очереди Алексей Эскатри курил с односельчанами, затем пообедали в эмтэсовской столовой, которая расположена напротив, через дорогу.

Из приклеенного на двери комбинатского клуба объявления Мигулай узнал, что в восемь часов вечера начнется показ узбекского фильма «Птичка-невеличка», а после кино состоится вечер танцев.

Когда перед ними осталось три машины, прекратился прием скота. Люди из ближайших деревень повели скот на поводу, поредело и количество машин и тракторов. Главопольцы тоже собрались поехать домой, но, на несчастье, к ним подошел Костя Васильев, работающий на самосвале машинно-тракторной станции. Он живет здесь, в своем доме-хозяйстве, расположенного на улице Мичурина на краю поселка. Узнав о беде друга, он даже обрадовался. «Слава Богу, тебя я, Алексей, со дня демобилизации зову в гости, сколько соревновались мы с тобой на комбайне, но не чокались пивными кружками, ведь не заходишь, айдате пойдём все со мной», — с этими словами он подо-

шел к шоферу Терентьеву, — Леша, ты знаешь, где наш дом, двенадцатый дом, айда, дуй туда, свиней загоним в хлев, а завтра сдадим».

Тот так объяснил Васильеву:

— Кузя, спасибо за приглашение, рад бы оставаться, только завтра рано утром нужно выехать в Горький. Хозяин повелел.

Хорнзорский Кузя все-таки не отпустил своего друга Эскатри. Свиней сгрузили во дворе и закрыли в хлеву. Чтобы не визжали, покормили. Супруга Кузи Настя занялась ужином. Она упрекнула Симуновых, что не подошли к ней. Ведь Настя работает на комбинате, приемщик скота для них не чужой.

Старшие расположились за накрытым столом. Сын Васильевых Вова и Мигулай на скорую руку поужинали отдельно и отправились в клуб смотреть кино.

Приобретший храбрость в Москве Мигулай Симун держит себя как в городе, вскоре познакомился с сидящей с ней рядом девушкой. Оказывается, красавица из Москвы, зовут ее Зиной, а фамилия Крылова. Закончила техникум мясной промышленности и приехала в Вурнары по направлению министерства, работает мастером в разделочном цехе.

В задумчивости то и дело обращая внимание на кудри девушки, парень из Главополья так до конца не понял, о чем был фильм, его беспокоило то, как бы не упорхнула от него московская «Птичка-невеличка». Но зря опасался, та и не мыслила оставить его, наоборот, после сеанса сама пригласила на танец, лихо кружилась с ним, без конца расспрашивая о Москве, кроме него, ни одного кавалера не подпустила к себе, только с Вовой Васильевым один раз покружилась в вальсе.

Сверкая щечками от попеременной улыбки и напевая мелодию песен, она вопросительно смотрит в черемуховые глаза парня, выше ее ростом. Через положенную на тонкую талию ладонь к груди парня поднимается чувство жара, заставляя биться сердце Мигулая на энергичной частоте. И сама девушка, перенимая жар парня, прониклась минутами беспокойства, по мере кружения в танцах наслаждается движениями тела. Обмениваясь таинственными взглядами, они некоторое время кружились молча в веселом ритме.

— Завтра мы работаем лишь до обеда, — сказала Зина Крылова, переведя дыхание. — Сразу же из столовой выходим на субботник. А вы до этого сдадите свиней и... А вы сажать деревья не придете? Тут недалеко, рядом с нами. Вова, уговори товарища? Поговори с матерью, и выходите вместо нее. Пусть она шюрбе варит. А мы вместе заявимся отведать. Хорошо?

Бойкая девушка все-таки сумела уговорить парней. На другой день рано утром отец Вовы привел запряженного коня и отвез на телеге свиней прямо на территорию комбината.

Мигулай с Вовой ждут, когда московская девушка освободится от работы. Алексей Эскатри, оформив бумаги, отправился в свою деревню. Рассчитаться за свиней заверили через два-три месяца.

Таким образом нечаянно, из-за хлопот о свиньях, парень из Главополя попал в плен к смелой девушке.

Сажать деревья вышло много народу. Работающие вместе удивленно посматривают на чужого молодца и на копающую ямы Зину Крылову, некоторые пошучивают: «Когда справим свадьбу?» «Если сможет справиться с быками в убойном цехе — я готова сегодня же выйти за него замуж», — заливисто смеется Зина, держа в руке раздвоенный саженец яблони, и весело машет рукой на завистливых ровесниц. Мигулай квадратной лопатой заполняет яму землей, затем вместе с девушкой затаптывает почву вокруг саженца.

— Пусть вырастет крепким, пусть яблоки будут сладкими, вкусными! — приподнимается стройным станом девушка.

— Чтобы нам их вместе попробовать пришлось! — протирает испачканные глиной ладони парень.

С какой-то потаенной мыслью радостно улыбнувшись, Зина закусила нижнюю губу, затем грустно сказала:

— Пока не уеду отсюда, регулярно буду поливать, потом... неизвестно...

— Вурнары не нравятся что ли?

— Что сказать... по правде, не могу привыкнуть, никак. Люди добрые, место лесистое, все равно душа моя в городе — Москве. Мечтаю артисткой стать. Очень. Поэтому поступила в училище. Сейчас я на первом курсе, в художественном дворце имени Щукина. Очень хлопотно постоянно ездить отсюда. Отработаю положенные три года... До этого... комбинатских ребят и молодежь учу петь и танцевать. Этим успокаиваю душу. Без этого... Скучно. Хорошо, что вы вчера спустились перед мои очи как яркая звезда из волшебного мира. Каким-то образом, чем-то вы пригвоздили мою душу к себе. Не пойму. Ночку не спала. Перед глазами ваш черно-бурый локон волос, открытые глаза из-под смуглых ресниц, продолговатые щеки и соразмерно умеренный нос и красивые губы, идущая из глубины души нежная улыбка, стройная прямая фигура, быстрая семенящая походка, успокаивающий голос, вот эти крепкие руки — все уместилось в моих мысленных объятиях. Скоро у меня в клубе начнется репетиция. Изучаем чувашский танец. Играя на баяне, и я привыкла к это-

му «линька-линька». Вон, товарищ машет вам рукой, зовет к себе. До отъезда в Чебоксары будете в Вурнарах?

Со вчерашнего вечера качущий на аргамеке беспокойных чувств Мигулай Симун слушал речь девушки затаив дыхание, беспокоясь, как бы не прервать эту мелодию неосторожным словом. Последний вопрос особенно взволновал: «Ведь девушка действительно ждет его. Видимо, в голове не только ветер бойкости свистит. Говорит из душевных чувств».

— Больше не смогу, Зина. В следующую пятницу жду в Чебоксарах. Выйду на автовокзал.

— Хорошо... — желая подольше прикоснуться к руке парня, девушка медленно провела горячей ладонью от предплечья до кончиков пальцев. — Будьте здоровы. К шести вечера подъеду.

Когда вышли из загороженной территории, Вова Васильев рассказал ему о девушке, с которой тот познакомился вчера:

— Ей не нравятся вурнарские парни. Один мой друг хотел жениться на ней. Никого не подпускает к себе. И его выпроводил за руку через порог. Впоследствии тот женился на девушке из Пскова, приехавшей на химзавод по направлению. Сам он чуваш, но почему-то захотел связаться с русской. Теперь сам еду готовит, сам же успевает постирать. Важная майра-баба села верхом на шею мужа-теленка.

— Такое может случиться среди любого народа, — улыбнулся Мигулай. — Лишь бы с нами такое не случилось, упаси боже от такой беды.

— У нас здесь редко случалось, чтобы прибывшие издалека на комбинат девушки уезжали обратно. Мама хорошо знает их. И я намерен был поближе познакомиться с Зиной Крыловой... Побоялся слово молвить. А с тобой она совсем другая. Ты же москвич. Растаяла словно масло на солнце. Видимо, любовь началась вчера в наших Вурнарах — новая любовь, — чувствительно шлепнув по плечу, засмеялся долговязый Вова. — Придется расстаться с прежними девушками. Чай, нашел в Москве!

И Мигулай не выдержал, посмеиваясь, сообщил:

— Наш институт на улице летчика Талалихина. Недалеко от Таганки. Открыл же режиссер Любимов новый театр? Творчество Владимира Высоцкого будоражит городскую молодежь, манит — притягивает туда. Изредка еле-еле попадаем с московскими девушками на представления. В звездном пространстве какое-либо сияние да и обратит на нас тоже внимание.

— Не теряй эту Звезду, Мигулай, — сказал без смеха Вова, около своих ворот. — И кино, как на заказ, было про любовь. Не вы-

пускай из рук крыльев «птички-невелички». И фамилия крылатая. Думается, можно летать на этих крыльях. Айда, зайдем покушаем. Отец вечером поедет на машине в Хорнзоры. Вместе поедем. Проводим до Главополя. Недалеко.

Приняв предложение нового товарища, Мигулай остался у них. С Вовой распилили и раскололи березовые дрова.

В понедельник студент был уже в Чебоксарах. До пятницы пять дней показались ему пятью годами. И дипломная работа ничуть не продвинулась. В голове только одна дума, перед глазами лишь улыбка крылатой девушки. Блеск глаз, оказавшийся ярче солнечного света, видимо, протянул радугу между двумя сердцами.

3.

Вурнарский автобус на вокзал прибыл вовремя. Заметив среди пассажиров Зину Крылову в дорожном одеянии, парень устремился к ней. Он попросил ее полосатую сумку, взял девушку под левую руку и повел к такси. Симунов повез гостью не в свою задрюпанную комнату общаги, а в гостиницу «Чувашия». Там он заранее занял номер люкс. Для нормальной жизни отец снабдил его достаточной суммой денег. Раньше он тратил их экономно. Легкомысленно не баловался. Тратил лишь по необходимой нужде. А сегодня расщедрился. Яств полный холодильник.

— Эх, вы, моя Малышка-крошка-перелетная — «Птичка-невеличка» — Любовь крылатая, — задыхаясь от душистого запаха, идущего от ее кудрей, неистово кружил желанную гостью посеред комнаты «хозяин номера», хотел было взнудать понесшего от жара медовых губ аргмака чувств — не смог взнудать, хотел было треножить — не смог треножить, споткнувшись, тяжело оперся на заранее освобожденную от покрывала постель, спешно начал скидывать и сбрасывать в сторону с тяжело дышащей девушки одежду, а там... неудержимо, нарушая все границы сдержанности, углубился в чужой лес, потерялся в чаще. Не услышав, как с шумом шлепнулся на пол передок низкой кровати, но слыша несдержанные стоны девушки, стано

вился неистовым. Облизывая закрытые глаза, стекающие по гладким щекам жаркие капли слез глубоко дышащей раскрытым ртом женщины, сладостно расслабился от неудержимого блаженства.

— А-ах, Мигулай-Микулай, слишком долго не пуляй... Осуще-

К-49667

ствилось мое желание. Не сохранилась до мужа. Еще неизвестно, кто он. Когда еще будет? Почувствовала то, что девушка должна испытать однажды в жизни. Оказывается, не так уж страшно.

— Я стану твоим мужем, — нежно потерся Мигулай кончиком носа о две влажные округлости. — Вот подадим заявление и через месяц распишемся... Свадьба...

Откинувшая покрывало стеснительности Зина Крылова вытерлась мягким полотенцем, присела на кровати, маленькими глотками стала пить пенящееся сладкое шоколадное вино из поданного Николаем Симуновым фужера.

— Пожалуй нет, Мигуляшка-гуляшка, и вы не станете моим мужем, и я не стану вашей женой. Останемся в жизни с тем счастьем, который нам с тобой сбросил сегодня с неба сам Бог.

— Почему? Я без вас никуда не могу деться. Не смогу взять себя в руки.

— Смог же. Вон какую квартиру приготовил для долгожданной любви. Люкс-номер. Очень богатый студент. Так мы одну свинью родителей утопим в озере любви.

— Пусть. В деревне достаточно зерна, картошки. И десятерых могут откормить и продать. У нас добра хватает.

— Сказать, почему? Эх, Мигулай-Микулай, слишком долго не горюй? В нашей семье ненавидят чувашей, от слова «чуваш» мама становится бешеной.

— Почему? — от удивления раскинул руки Симунов. — Неужели чуваша самый подлый народ в России, в мире? Неужели мы опозорили страну? Неужели мы непригодные в этом обществе? Мы обогатили древнейшую культуру человечества, по-правде, знаете ли это? А вы говорите...

— Знаю, — изменила голос Зина Крылова. — По кое-каким источникам я узнала, что чувашский народ достойная почитания часть древнейшей цивилизации. У меня тогда же родилась мысль поехать работать после техникума только в Чувашию и никуда больше, это было уже в первом курсе. Сама ходила в министерство просить, чтобы направили меня сюда. Там послушались. Хотела в Чебоксары, но там места не было. Сказали, что из Вурнарского мясокомбината люди бегут, и сунули меня в ту дыру. Ах, неужели я по-настоящему полюбила вас на той неделе? Никак не могу до конца окольцевать и надеть на башку крепкий обруч. Мысли и чувства вьются в буре, мечты кипят в бездонном море. Тем не менее я вас почему-то крепко полюбила. Почему же?

— И я...

— Видимо, хороший вы человек, Мигулай-Никулай, просто здорово-малай. К сожалению, ваше колесо судьбы со мной не покатится вперед. Потому что я хочу быть артисткой. Возможно, и не буду. Но, если и стану, со мной вы не уживетесь по-доброму. Если полжизни не отдам театру, от меня ничего не получится. Лишь в статиста превращусь. Ревность зародится... Достаточно и того, что сегодня испробовали мед любви. И вы не сможете остаться в Москве. Возможно, вас невольной отправят подальше от стольного, сюда же, в Чувашию. А мне там учиться, там работать, там жить. Зачем я вас искала, не знаю.

— И я...

Спасибо вам за прием в теплом гнезде. Я век не смогу, наверное, так угостить.

— Гора с горой не сходятся, а люди...

— Ах, и не упоминайте чью-то давнейшую мечту. Полет мечты слишком долог. И я прилетел в Чебоксары с большой мечтой.

— Меня увидеть?

— И вас увидеть... — Зина смахнула кулаком слезу. — Еще...

Заплакавшую девушку Симунов прижал к груди.

— И что же это «еще»?

— Увидеть отца! — навзрыд заревела Зина, — поговорить с родным отцом!..

— А кто он? И где живет?

Одетая в насквозь просматриваемое белье девушка-женщина спустилась на пол, подошла к окну и посмотрела на улицу.

— Артист. В Чебоксарах живет.

Мигулай начал вспоминать знаменитых людей театра:

— Народный артист СССР Борис Алексеев. Только жив ли он сейчас?

— Не он.

— Народный артист России Геннадий Терентьев. Любит петь народные песни, играя на гармошке.

— И не он.

— Народный артист Чувашии Арслан Тюркский.

Зина Крылова всполошилась:

— Вот-вот, он должен быть. А как по отчеству?

Будто вспоминая что-то, Симунов потер ладонью кожу лба.

— Ага, вспомнил! — В один год как-то нам в нашей деревне бесплатно концерт показывали. По окончании уборочной страды. Мне запомнился приехавший с цыганами артист, и сейчас перед глазами. Славно исполнил чувашские, русские, цыганские песни и песни зарубежных народов. Мне показалось интересным отчество Юманович, не забывается. Может, этот?

— О боже, — схватила руку Мигулая Зина. — Неужели тот же? Арслан Юманович Тюркский. Но я — Львовна. Не Арслановна. Что-то не вяжется.

Мигулай легко отстранил ее руки, нежно коснулся ее привлекательных груди и спешно постарался ей объяснить:

— Ведь Лев по-чувашки Арслан, душечка, крошка-зернышко. И фамилия у него очень издалека идет. Мы, чувашские птенцы, ведь птенцы тюркских народов. Тюрк. Вот что означает фамилия.

— Значит, мой отец Арслан Юманович Тюркский. Вспомнила сказанное мамой. Говорила, что чувашские артисты, пока учатся, живут в Москве. Мама работала парикмахершей в Малом театре. Тогда и познакомились они. Говорила, что отец жил у нас же. Когда мама была в положении, завершив учебу-практику, он вернулся в Чебоксары. Говорила, что и жена была у него. Когда я родилась и чуть подросла, мама привезла меня сюда. Говорила, что отец содержал нас тайно в гостинице «Волга». Мама звала его жить в Москву. Отец не согласился. Мама в одиночку вырастила меня. Отец не покупал мне ни одной конфетки. Алиментов не получали от него, да и сам ни копейки не присылал. На Малом Арбате от деда по матери осталась двухкомнатная квартира. Комнаты большие. Дед работал в министерстве культуры, погиб ополченцем, защищая Москву от германских войск. Говорила, что у нее был знаменитый артист. Но его перевели в Ленинград, и он, бросив маму, там нашел другую женщину. Ах, и у меня начались женские горести.

Услышав эту новость, Мигулай Симунов немало был удивлен, он подошел к стоявшей у окна спиной к нему к Зине и обнял за груди.

— Моя полуземлячка, Зинаида Львовна-Арслановна, что будем делать дальше?

— Может, оставим этот вопрос на завтра? Сколько я этого ждала до сих пор, но едва ли его разрешим нынче же вечером?

Безмятежная ночь землеворота превратила девушку и парня в женщину и мужчину, но не принесла никаких изменений в любви — не объединила мужчину и женщину в супружество. Встав с этой помятой постели и надев штаны, они в людях появятся вновь девушкой и парнем.

Суббота для них стала днем театра. Зина Крылова очень хотела посмотреть, как играют чувашские артисты. Она намерена была среди них отыскать своего воображаемого в мечтах отца и обняться с ним. Мечта не осуществилась — в остывшем гнезде птицы не оказалось.

В расположенном на берегу Волги в чувашском Большом театре Мигулай Симун из Главополья и сам до сих пор ни разу не был. Стесняясь признаться в этом, он повел Зину в дворец мудрости. Показывали спектакль «Нарспи». Среди жителей — много приехавших из деревень. Они и одеждой, и разговором сразу отличаются от городских. В кассе Мигулай вместе с билетами догадался взять специальный слуховой аппарат для Крыловой по мере игры артистов слушать текст на русском языке. За что Зина очень обрадовалась. Не понимая речи, одним смотром игры не постигнешь до глубины смысл пьесы.

После спектакля, отвернувшись от толпящихся возле раздевалки зрителей, они зашагали к огромному окну. Из одной двери вышел среднего роста красивый мужчина, на ходу пожимая плечами, чуть-чуть подпрыгивая ножками, и то и дело озираясь.

— Добрый вечер, — остановил его Симунов.

— Спасибо, вечер звездный, и вам так же, — в артистической манере ответил незнакомый мужчина. — По какому вопросу?

— Вы тут работаете? — поинтересовался Мигулай.

— Да, — встряхнул тот головой. — Готов выслушать вас.

Симунов спросил у него, где можно видеть чувашского народного артиста Тюркского.

— Ха-ха-ха! — в полный рот рассмеялся работник театра. — Прежде чем познакомить вас с Тюркским, скорее могу познакомить с Юрским. Ха-ха! Известный артист Юрский как раз завтра должен прибыть из Москвы. Я должен встретить его в аэропорту. А Тюркский... Да никакой он не народный артист. Цыгане дали ему это почетное имя. Когда-то Арслан учился вместе с нами в Москве. Запил. Возгордился. В Малом театре постоянно стригался у одной и той же парикмахерши-красавицы. Бросил ее, когда та женщина приехала сюда с ребенком и позвала его в Москву, отказался поехать, дурак, тут женился еще три раза. Таким образом, из могучего поросля Юманов-Дубовых Арслана остался лишь голодный несчастный щенок. С такими же «талантами» как сам, гастролирует по деревням, показывая потешки и исполняя песни. На хлеб и на выпивку находит. Где он живет, я не знаю. Может, в цыганском таборе? С ними дружит. А был у него талант! Даже московские бывало хвалили его. Вначале у себя же удивил нас. Но вовремя не смогли дать нагоняй. Только из-за его гордости и сегодня партию Тахтамана пел русский артист. И Алексей Ковалев знаменитый. Но ему не хватает чувашской натуры. О-о, если бы вы сегодня в опере слушали Тюркского!.. Талант! Только зеленый змий душит его. Не только цыгане, но и мы тоже без

всякой насмешки называли его народным артистом Чувашии, и зрители сопровождали его игру бурными аплодисментами, почитая как народного артиста. Да и в верхах в свое время подождали подписать Указ о присвоении ему народного. Сколько я его уговаривал, чтобы он вернулся к своей парикмахерше, пестуя ребенка, приукрашивал свою жизнь, ведь и Малый театр согласен был оставить его, а он от счастья своего бежит. Нет, он и меня, и никого не слушался. Погасла зажегшаяся на зените нашего искусства одна звезда. Какой урон, — искренне сожалея, вздохнул он. — Хотелось бы узнать, скажите, а зачем он нужен был вам?

— Вот эта девушка хотела видеть его, — мотнул головой в сторону Зины Симунов.

— Когда-то слышала о его одаренности... — с волнением тяжело выдавила Крылова.

— Говорили, что он отправился с цыганами. Летом их табор располагался вон в той ложбине, — показал через окно на берег собеседник. — К сожалению, ничем не смогу помочь. Желаю вам счастья.

— Спасибо за доброе отношение к нам, — вначале не подавший ему руку, второпях исправив свою ошибку, Мигулай расстался с ним. Зина напоследок поклонилась ему.

Выйдя из театра, они молча пошли по улице Карла Маркса. Разговор загло Крылова.

— Замечательно поставлен спектакль. Нисколько не хуже московских режиссеров. И роли артистов удивительно образны, а игра их убедительная. Оказывается, ваша «Нарспи» похожа на английскую «Ромео и Джульетту». Борьбу Добра со Злом, победу Добра над Злом показали, связывая сегодняшним днем. Истина волшебной истории Любви развивается перед глазами, оживает. Ваш классик разумно помогает понять и закрепить в уме, проникаясь всеми душевными чувствами, что на земле сильнее человека нет никого. Особенно запомнились свадьба, песни, одежда. Мелодия пленяет душу, возбуждает весенние чувства.

— Вот такой одаренный поэт-песенник, художник жизни был в нашем чувашском мире, на века осветивший земному миру образ Солнечной красавицы — Нарспи.

— И я буду гордиться впредь Константином Ивановым, — оторвавшись от парня, побежала вперед Зина, затем, резко остановившись, повернулась и:

— Неужели и во мне течет тюркско-чувашская кровь? Эх, что можно сделать теперь с отцом, артистом Тюркским? Остается только

ругать поющего и пляшущего в цыганском таборе алкаша за то, что позорит имя чувашского народа. Образ отца, не увидев его самого, остается лишь в памяти, — сказала она печально. — Финал не просмотренного спектакля — конец превратностей судьбы. Все же мне хочется сделать чувашскую девушку Нарспи счастливой, видеть ее не с богатым и злым старцем Тахтаманом, а с любимым молодцем Сетнером, прочесть поэму «Нарспи» на русском языке. Режет сердце за живое образ Злодея-Тахтамана-Тюркского. И у нас Зло родилось вместе с Добром...

Симунов повел Зинаиду Львовну чуть ли не бегом, заверил, что завтра обязательно найдут в магазине книгу Иванова.

Мигулай чувствует, какой огонь бушует в душе гостьи, какая идет внутренняя борьба, поэтому старается сделать ей какое-либо добро и чем-нибудь да успокоить. В воскресенье повел ее в Чувашский национальный музей, в Введенский собор. В музее Крылова не спеша переходила из зала в зал, долго и с интересом рассматривала каждый экспонат, внимательно слушала сопровождающую. Не пропускала мимо ушей и объяснения Симунова. У нее появилось желание облачиться в наряды Нарспи, а на Мигулая надеть одежды Сетнера и в старой церкви на берегу Волги... поцеловать благословенный крест батюшки.

— Как насчет свадьбы? Нет желания венчаться?

Как гром среди ясного неба, эти слова заставили Зину Крылову вздрогнуть, и она, тайно замаливающая совершенный в пятницу грех перед иконой Святой Марии, улыбнулась и, чтобы никто не услышал, шепотом ответила:

— От своих слов не отступлю, хотя и не умею креститься, пусть Бог простит меня, дурную голову, все же я не выходила из человеческих границ. Венчание?.. Давай не забудем, кто мы сами.

— Состоим в комсомоле.

— То-то же, состоим в рядах ВЛКСМ, а сами в божьем храме одурманиваем головы. Хватит, увидели, выйдем отсюда, запах лампы, свеч мутит нутро.

«Согрешившие на земле очищайтесь от грехов на том свете...» — мощно звучал в беспотолочном здании голос батюшки, когда они продвигались к дверям.

Глядя на кислое лицо Зины, Мигулаю захотелось всколыхнуть ее упавшее настроение, чем-нибудь задоблив ее. В магазине «Дары Чувашии» он купил ей вышитое льняное платье, височные подвески, нагрудное украшение. По просьбе Зины, и себе купил вышитую рубашку. Вернувшись в свое таинственное богатое гнездо... покружи-

лись в прощальном вальсе... В новой обнове не могут наглядеться друг на друга.

— Чем мы не Нарспи с Сетнером? — сказала Зина, кружась перед зеркалом.

— Из-за обновы мы не изменимся, — с завистью поглядывал на московскую красавицу главопольский парень. — Остаемся теми же Зиной и Мигулаем.

— Хотя бы любовь сохранить.

— Не боитесь Тахтамана жизни?

— Нет, никого не боюсь из-за своей Любви.

— Из-за нашей Любви, — добавил Мигулай. — Но давай не будем слишком беспечными. От жизни всего можно ожидать.

— Теперь... мне пора идти.

— А я должен проводить...

Зина Крылова уложила вещи в сумку, легла спиной на широкую кровать и некоторое время глядела на разукрашенный потолок, затем резко вскочила как кошка и:

— Не сумев встретиться с отцом, отбываю, познав мужчину. Не думайте, что я легкомысленная дура. Говорят, не велено до женитьбы стать петухом, перелетать через присевшую курицу. Славный вы. Жду в Вурнарах, — говоря это, красавица то и дело вздыхала, когда ее губ коснулись мужские губы, будто на время оставляя свои внутренние чувства, стала целовать Мигулая с короткими отдышками.

Проводив девушку, Мигулай Симунов вернулся в свой затхлый дом, ошалевший от любви, не скоро успокоился. До завершения дипломной работы съездил в Вурнары, посетил квартиру Зины. Понимающая толк в людских отношениях старушка-хозяйка, отправившись «погостить» к дочери, осталась ночевать у нее же.

В Москву его Зина провожала из Вурнар, не удержавшись, зашла с ним в вагон, поезд внезапно тронулся, и она побоялась спрыгнуть, не осталась ни в Шумерле, ни в Арзамасе, к утру прибыла в родной город. Оставив студенческий чемодан и дорожную поклажу в общежитии, они погуляли по городу. Зина пригласила к себе на обед, дома познакомила с матерью. Ночевать он не остался, на другой день после обеда мастера Вурнарского мясокомбината Зинаиду Львовну Крылову на Казанском вокзале проводил с грустью. Так хотелось на Чебоксарском поезде ехать до родного края, но...

Привыкшего до этого к большому шумному городу, теперь стал казаться ему чужим, любовь к нему увела на восток душевная любовь. Его голову начало одолевать желание следом сесть на скорый

Казанский и догнать Зину, пересесть в ее вагон и вместе с ней выйти в Вурнарах.

В общежитии земляк из своей деревни Ананий Платонов посмеивается над ним:

— Говорят, в девках сорок ухажеров. Верь им, невоздержанным русским барышням, сегодня с тобой, а завтра— неизвестно с кем. Наплевали они на твою скудную зарплату инженера. Нас, дураков, насколько долго учат, настолько меньше платят. Непонятная превратная политика. Ты лучше в лукошке-башке старательней меси будущую дипломную. Защитить бы удачно. Давай не осрамить Главополье. Любовь, девушка-женщина... найдется и в деревне, и в Чебоксарах. Эй, заболтался с тобой, достань-ка лучше из чемодана атомный первач матери... За встречу... По-землячки...

До Нового года Зина не смогла освободиться от работы и Мигулай сам помчался в Вурнары. В раскинутом за поселком лесом покатались на лыжах, вечером смотрели кино. Подготовленный любимой концерт Симунов в районном доме культуры смотрел с удовольствием. Способная, оказывается, Крылова! Не зря же учится в театральной училище.

Турков, оказалось, сдержал свое слово. Добился таки, чтобы Мигулая Симунова и Анания Платонова направили именно в Чебоксары. Директор охотно принял их на работающий по новой технологии мясокомбинат, каждого определил на работу по указанной в дипломе специальности. Как прежде уже нет времени бегать туда-сюда по личной необходимости. Чтобы поскорее завершить строительные работы, заставляют трудиться и по выходным дням.

Отработавшей свою «ссылку» Зины Крыловой нет теперь в Вурнарах. Свою крылатую птичку малышку-кроху — «Птичку-невеличку» — Мигулай в Чебоксарском аэропорту посадил на самолет, летящий в Москву.

В первое время между двумя столицами письма летали соревнуясь, но постепенно полетов становилось все реже, ах-ох, в какое-то время они совсем прекратились. Чувацкий парень еще раньше начал замечать, что письма становятся все тоньше и тоньше, а содержание их все скуднее и скуднее, но не знал причины. Сам он, не очень любивший корпеть над письмами, не стал слишком тревожиться, надеясь на откровенную душевную беседу при встрече, и все свое время отдавал работе. А все же не выдержал, накопив денег, направил стопы в Москву.

И как радостно шагает он по Малому Арбату. А вот и дом Крыловых, их квартира на пятом этаже. Открылась дверь и... Вот тебе

на! Его не встретила ни прыгающая от радости Зина, ни всполошившаяся от неожиданности ее мать. Чужая женщина сообщила ему:

— Мы поселились тут полгода назад. Говорили, что прежняя хозяйка квартиры умерла. О дочери не слышали.

Куда запропастилась Зина Крылова, не знали и соседи. Уши большого города, разумеется, глухи. Опустив голову, он спустился вниз, поймал такси и помчался в аэропорт Быково. «Неужели нить их любви оборвал плетъ Тахтамана жизни?— такими мыслями коротая время полета, вернулся в Чебоксары Мигулай Симунов.

И вот, теперь перед ним оставшаяся для наслаждения обнимкой двустволая яблоня стоит, готова только что завязавшиеся плоды к осеннему красному наливу. Почему-то не хочется расстаться от дерева, выращенного москвичкой, посезонно регулярно поливая.

Отыскавшая его секретарша, играя черными глазами, зовет к телефону. Оказывается, директора разыскивает глава районной администрации Анатолий Иванович Кузьмин. В голове опять начинает бурлить течение нескончаемой никогда работы. Временно доставившее наслаждение душе и это воспоминание тонет в том течении.

4.

Симунов давно уже привык к тому, зачем он нужен главам района, и прежнему Кошкину нужны были лишь его доходы. С ним даже чуть ли не за грудки хватались. Кошкин угрожал его снятием с работы, если не будешь идти на поводу. Симунов принародно показал ему кукиш. Не те времена, не при советской власти, когда Кошкины могли давить любого руководителя лапой первого секретаря райкома КПСС. Слава богу, хозяйственники получили хоть какую-то свободу действий. А отголоски старого пока остались, сохранились в умах начальников. И этот Кузьмин поет ту же кошкинскую песню: «Николай Алексеевич, нужно спасать район. Бюджет горит. Показатели за полгода должны быть в порядке. Иначе снимут шкуру»...

Симунов разве виноват, что администрация района не может пополнить кошелек пенсионных и детских пособий? Что, другие организации, предприятия и хозяйства работают по отличающимся порядкам? Свои нужды не могут залатать. Хотят быть сытыми, сидя на чужой шее? Кто что-нибудь сделал в Вурнарах для Симунова? Во всем своей головой, своим трудом, своим проворством, своей хитростью поднял на ноги раскинувшийся вдоль берега речки Упнер находившийся в предсмертных судорогах мясокомбинат. За пустой районный карман не он, в первую очередь глава, его команда виноваты. Не с него, а с этой кабинетной команды крепче следует требовать

чебоксарским, начальство и хозяев надо учить делать деньги. Поэтому он отказал главе администрации Кузьмину, соврал что деньги оставили лишь на приобретение новой техники. Из Вурнарского центра раздался гром. Но директор не испугался, спас его громоотвод мудрости, и стал рассматривать бумаги бухгалтерской папки и подписывать их.

За десять лет работы директором немало видел и угрожающих, и льстящих. «При любых обстоятельствах старайся всегда держать себя спокойно, чрезмерно не горячись, будь тверд, не давай себе слабину, не принимай скоропалительных решений, со старшими по-старшему, с молодыми по-молодому веди себя, не задирай носа перед народом, на работе не дремай, ищи новое, доверяй своим подчиненным, но и проверять результаты их труда не забывай, людей уважай, люби, не распускай язык, руки не держи свободными...» — вспомнились наставления Чебоксарского мясного «генерала» Туркова. У не ставшего себя ничем выше других Николая Михайловича была своя школа. Сколько молодых инженеров держали у него экзамен, прежде чем стать самостоятельными начальниками? В том числе — и Симунов. Возможно, как свой учитель, и он не любит болтать попусту, не зазнается, не отрывается от народа, держит дверь кабинета открытой, и в душу вход ни от кого не запирает, ценит сделанный вовремя качественный труд, не терпит обмана.

Настойчиво добытые десятилетним опытом, упорным трудом достижения для него, вероятно, явились знаком качества удачного окончания Чебоксарской «академии» после Московского института. Пять лет над книгами, десять лет с металлоизделиями. Новое оборудование начали устанавливать уже тогда, когда строители еще не успели очистить цеха. Где, когда, и что установили, как опробовали их работу, может рассказать с закрытыми глазами. Налаживали и следили за ними, чтобы техника и аппаратура работала исправно и бесперебойно.

Однажды они с главным технологом проверяли мясорубочный автомат. Они не заметили, как к ним бесшумно подошел «генерал» и молча наблюдал за работой механика. Лишь тогда заговорил Николай Михайлович, когда заметили его увлеченные специалисты.

— Что, закапризничал? Немецкая аппаратура, кажется, надежная?

— Но техника не работает по государственным, национальным особенностям, уважаемый Николай Михайлович. И у металла, и у каждой вещи есть своя выносливость. Качество, значит, .. оно на самом деле во многом зависит от умелых рук и умной головы. Одну деталь пришлось заменить, — спокойно вступил в разговор Симунов.

— И мне, видимо, придется попробовать заменить одну деталь... Начальник цеха, еще ни о чем не догадываясь, повернулся к директору лишь тогда, когда запустил автомат.

— У холодильника в вашем кабинете, или кондиционера?

Турков, чувствуете, говорит с какой-то хитрецей:

— Я о другом. Нужно заменить одну деталь административной машины. По той причине разыскиваю вас, Николай Алексеевич.

Услышав это, Симунов испугался: «По какой же причине? Может, хочет уволить меня с работы? Вроде, ничем не провинился»

— Если освободились, пойдем вместе.

Из шумного цеха они вышли на открытое место. Турков обвел взглядом длинные здания, показывая рукой на сгруженные рядом с колбасным цехом большие ящики, горестно вздохнув, сказал:

— Не смогли установить немецкие и австрийские роботы.

— Площадку не успели подготовить, в понедельник начнем устанавливать, — объяснил Симунов.

— Хорошо, поручим главному инженеру, — осторожно погладил его по спине «генерал». — Пусть Платонов постарается.

— А почему Ананию Емельяновичу поручаете нашу работу, что, перестали доверять мне?

— Не поняли пока. Доверяю, верю, с каким мастерством вы запустите робот, но... в другом месте, в Вурнарах, вскоре вы там должны будете перевести комбинат на новую технологию, устанавливая новое оборудование и работая по-новому. Мы намерены сделать из вас руководителя, способного работать самостоятельно, как робот, без посторонней помощи сверху, со своей компьютерной башкой. Ваши самые лучшие стороны, мастерство и выдержанность, знание и умение, способность командовать, в то же время и недостатки — все учли мы в министерстве сельского хозяйства. Министр согласен. Поэтому я вынужден плача и скрепя сердце заменить в моем проверенном налаженном аппарате одну из самых надежных деталей. Привык было как к своему ребенку, младшему брату...

Эта весть для Симунова не нова. Если приходилось ехать в деревню, то Вурнары не минуешь. Руководитель района уроженец соседнего села Янгорчино Василий Игнатьевич Романов давно хотел запрячь его в оглобли мясокомбината. Его преемник Александр Ильич Кошкин, нынешний министр сельского хозяйства, тоже не раз пробовал сеть на его пути. Но Николай Алексеевич не спешил ни запрячься в оглобли, ни попасть в сеть. Оттого ли, что он привык к одному месту, ему не хотелось покинуть Чебоксары. И сейчас решил попробовать отказаться.

— А если я не хочу перейти туда?

— Турков взял его за подмышку.

— У меня для вас выше свободной ступени нет. В системе Агропрома, для Вурнар, кроме вас, другого толкового сильного командира не видно. Я их там знаю как свои пять пальцев. Был один, но он оказался не чист на руки. Знаете его. Освободились от него, и комбинат застрял. И Вурнарский, вон, не двигается с места. Аргамак-то норовист, но никак не может попасть на след нового пути. Учтите и это: надежда, как эта, не каждый день светит, как ежеутреннее восходящее солнце. Наберите смелости, и... Как еще будем греметь оба, соревнуясь между собой, вот...

Что поделаешь, Симунову осталось лишь согласиться.

Рядом с Чебоксарским большим как акула комбинатом Вурнарский, Канашский, Шумерлинский, Алатырский мясокомбинаты в то время казались лишь кильками. Акула даже была готова проглотить мелкоту. Когда корабль мировой рыночной экономики, разрушая все границы, заплыл на территорию России, акула сама, попав в водоворот, застряла в иле. А мелкота, кто как могла, пыталась выплыть из мутной воды. Спасителем одного из этих мелкоты-комбинатов как раз стал «капитан» Симунов. Он сумел насквозь разглядеть, в какую сторону может повернуть мировое и государственное финансовое течение. Твердо наметил курс, куда и с какой скоростью плыть. Будто надеясь на прибытие мореплавателя-командующего, команда Вурнарской мелкорыбной лодки не бросилась в бушующую воду. И «старпом», и «боцман», и «гребцы» на месте. Оказывается, только ждут команды.

— Со стройки начнем работать по-новому, — неожиданно сообщил на первом собрании команды генеральный директор акционерного общества «Вурнарский мясокомбинат» Симунов. — Придется ремонтировать, расширять и строить по новой одновременно. На вырученные от продажи мясных продуктов деньги нужно переоборудовать колбасный цех на уровне современной технологии.

Как в старину работал комбинат, Николай Алексеевич расспрашивал уже стариков. В тридцать третьем году комбинат начал свою деятельность с пункта приема скота, забоя и разделки. После войны пробовали выпускать колбаса, впоследствии мастера продолжили это производство. За сорок лет численность артели не превышала двухсот работников. И сейчас такое же количество в маломерной лодке Симунова. В годы руководства комбинатом Михаилом Болтуховым вурнарскую колбасу отправляли в Москву, Горький. Он, снося старые деревянные здания, построил кирпичные корпуса. Вот, вставленную

на фронте главного корпуса кирпичную цифру новый директор произнес вслух: 1959. С этого началась деловая работа Симунова. Расширил в длину здание Болтухова, установил там новое оборудование. Цех начал выпускать двадцать видов колбас. Из построенного рядом нового цеха выходит десять видов мясных консервов. И банки там же изготавливают. В десятки углов страны распространяется из Вурнар пять тонн колбас, тридцать тысяч банок консервов в сутки. Рубленое мясо, грудинка, карбонат, филе, головы-ноги, легкие, печень, мозги, внутренний жир, костная мука, шкуры... Все полезное от забитого скота идет на продажу.

Заждавшиеся добропорядочного хозяина вурнарцы наконец-то начали горстями загребать поступающие к ним со всех сторон деньги.

Избежавшая пасти Чебоксарской акулы, избавившаяся от засасывающего жизненного водоворота маленькая рыбешка-лодка свободно плывет вперед, подрастая, становится внушительной. Теперь не назовешь и килькой, настоящий щука-корабль. И вот капитану корабля вскоре предстоит выйти в просторы пятого океана и плыть в сторону Атлантики. Там он попутно ищет еще одну полезную струю ветра мира купли-продажи.

Перед дальней дорогой Симунов, побывав во всех цехах, успокоил душу. Ему может помешать лишь одно препятствие. После того, как Чебоксарский акула-корабль вытащили из ила и из-под воды, в Вурнары начало поступать меньше скота. На рынках и в магазинах столицы снова появилась колбаса из Ядрина, Цивильска. И канашцы намерены приняться за производство. Мелкие цеха как в Главопольях, громогласно гордятся своей колбасой. На рекламной волне колбаса каждого славится своим качеством. И соседние области все еще не перестают опустошать чувашские деревни; крупный рогатый скот, особенно свинина тысячами-тысячами тонн уходит в сторону. Деревенскому люду лишь бы наличными платили, цена удовлетворила бы. Со стороны кажется, будто они скот отдают на съедение двуногим волкам-грабителям. Ведь некому их останавливать. Из властей никто и не хочет связываться в это щекотливое дело.

Будучи в своей деревне, Николай Алексеевич был удивлен. Покупать откормленных матерью свиней к их воротам из Казани подъехали три машины. Мать обещала сдать их в колбасный цех своей деревни. Покупатели с татарской стороны заверяют не скупиться на цену. Теперь и в деревне деньги не подчиняются никаким властям, они стали мощным средством моментально решить любой вопрос.

— Точно насилу, вырывая из рук забирают, дьяволы, — горестно встретила она сына. — Я уж растерялась. С тобой связаться — кри-

вотолков не оберешься. Лучше Георгий Романович, наш деревенский директор мясокомбината, изготовит колбасу. Правда, придется продешевиться. Туда сдам.

— Мама, для чего тебе нужны деньги? Если нужны будут, я сам дам, — сказал сын и выложил из кармана пачку сторублевов.

— Ах, сынок, по вековечной привычке не хочется отставать от людей. А у самого на работе скота хватает? Не остается стучать зубами после этих барышников?

— До этого не дойдем, мама, — сказал Мигулай, доставая из кожаной сумки гостинцы. — Свежая колбаса, сосиска-сарделька, вот еще орех в мясе, только что начали готовить, костистое мясо для супа, консервы. И хлеб купил в своем же магазине. Приобрел французскую мини-пекарню, подобную еще Наполеон в свое время притащил в Москву. Магазин расположен рядом с автовокзалом, и сельчане много покупают. Хлеба-калачей хватает полпоселку. Деньги оседают на дно кармана комбината. Для работников и это полезно.

— Тогда ладно. Чем же покормить тебя. Есть только вчерашний суп, не прокис еще. Может, по-быстрому яички пожарить?

— Мама, я сыт.

— На-ка, сырые яйца попей. Свежие. Ах, сейчас процежу пиво. Мать достала из подвала пиво, чайником поставила греть на плиту.

— Насчет поставки скота не горюй, мама. Я составил договоры с сельскими администрациями, как раньше, с сельсоветами, и регулярно туда посылаю автомашины. И на Норусовском базаре покупаем. У меня еще есть Ибресинский и Вурнарский свинооткормочные комплексы. Их было довели почти до закрытия, а я прибрал их к себе и содержу там около десяти тысяч свиней. Взял в аренду кюмель-ямашинские, кумашинские, чиршкассинские земли. Хозяйства эти совсем уж разорились... Теперь как рады жители. Зерна достаточно, разводят скот, лишнее продают комбинату. Вот до чего довели некоторые деревни...

— Пусть Бог тебе силы даст, сынок, за этот благородный поступок, до меня тоже дошли эти хорошие слухи, надо помочь бедным, нутром понимаю, не молитвой попа Артеменькасинской церкви стали богатыми они хлебом-солью, а твоей умной головой, — мать обняла Мигулая, потом хлопотно принесла чайник, налила в чистую глиняную кружку пенистое пиво. — Пей-ка, пей, Мигулай. Из ячменного солода варила. Сахар добавлен в меру. Мою долю зерна, как пожилому человеку, Александр Ильич повелел доставить прямо в дом. Наш

председатель он очень уважает старых людей, не заставляет бегать в правление, как прежде бывало, бережет нам покой. Пусть даст Бог и ему здоровья.

— Знаю, он как-то рассказывал мне.

— Можно спросить?

— О чем еще?

— Ты немногословен. Точь в точь в деда пошел. От отца, бывало, не вытянешь лишнего слова. О детях я. Как учится Алеша в институте? Ирина не собирается выйти замуж?

— Нормально. Какое у них может быть горе?

— Как сноха?

— Валя что ли?

— Кто же еще может быть? Сношка Валя, конечно.

— Нормально. Все живы-здоровы.

Между разговором мать согрела суп и поставила небольшую эмалированную глубокую чашку перед сыном.

— Если не попробуешь этот суп из борщовника, рассержусь. Ит-ак одна, все скучаю. Вон, глядя на фотокарточку, разговариваю с твоим отцом. Отец твой никогда не был разборчивым в пище, сам помнишь. Ешь еду матери. Тогда останусь довольной. Ах, у людей счастливая старость. Взять хоть Ульгу. Через два года после окончания войны вернулся Мигулай и...

— Ты о Терентьеве говоришь?

— Да-да, конечно, о Коле-Шофере. Раньше моего Элексия отправился в беспетушиную деревню. Недавно встретилась с его женой в магазине и долго беседовали вдвоем. В тот год, когда она выходила замуж, сорок свадеб сыграли в деревне, двадцать вернувшихся с войны солдат женились. Отца твоего я не скоро дождалась, семь лет задержали его. Не пришлось жить с ним долго, как другие.

Хорошо, что вас троих успел поставить он на ноги. Опять вспомнила внуков, Ульга как радуется с ними, обеими руками ведет гулять. А у меня ни одного нет. Все думаю, почему не приезжают? Ты бы хоть надоумил их приехать к бабушке. И матери их неплохо было бы приехать. Автобус из Вурнар прямо в деревню приезжает. Если бы пришлось пешком топать, как раньше... Как у самого-то со здоровьем?

— Не болел.

— Не болей, сынок. Болезнь она из тела не выходит. Вон и отец твой, надорвался на работе, не смогли выходить. Чувствую, нелегко и тебе, много надо думать, головой ворошить. Только выдержало бы сердце, мой родненький. Да еще берегись непомерной пьянки. Знаю

я, у вас там всевозможные банкеты устраивают. Не посрамись. Работая столько, оба с отцом не слышали плохого слова в свой адрес. Будь примерным. До сих пор не посрамил и отцов род, и наш. Скоро свои внуки пойдут. До кончины и мне бы видеть их, отводить душу, наблюдая их игры. Вот хорошо, чашку опустошил, и ложку деревянную облизнул, как отец же. Отцовская же ложка. Предпочитаю кушать ею. Покушаешь ею — сытым станешь.

— Спасибо, мама.

— Еще не побудешь?

— Нет времени. Ведь я собираюсь вновь в долгий путь.

— В какой угол мира? Вроде говорил, что побывал в Голландии?

— Ага.

— Картофель, вон сажаем ихний. Прошлый год был урожайный на них, крупными и многочисленными выросли клубни. И не сгнили за зиму. И в этом году пологорода высадила их. Кажется, и в Дании побывал ты?

— Ага.

— От мадьяр ты мне привез шубу...

— Ха-ха! Чай, из наших же шкур сшили. Кому только не продаем шкуры: Германии, Дании, Голландии, Чехии, Италии, Венгрии. Немалый доход.

— А теперь куда же отправляешься?

— В Англию. Далеко от нас, омывается морями. От континента, если было понятнее тебе, от Большой земли отделяется проливом. Для комбината нужно приобрести одну вещь.

— Веди себя достойно. Поездом? Или самолетом? Паракором?

— До Москвы поездом, оттуда — самолетом.

— Ай боже, Сейчас и телевизор, и радио постоянно о падении самолетов гремят. Вместо того, чтобы скорбеть о погибших писаки-репортеры все шумят аж до каждого винтика и лоскутка одежды летчиков и пассажиров, готовы болтать трое суток подряд без передышки и сна. Тьфу, поганый народ. После этих болтунов до твоего возвращения о чем только не подумаю.

— Мама, не горюй. Привезу тебе какой-нибудь дорогой заморский подарок.

— Ах, сынок, мне ничего не нужно. Все есть. Теперь мне, детки мои, только вы нужны и внуки, а не чужестранные вещи...

— Все равно обрадую тебя чем-нибудь.

— Шоферу, может, яичницу приготовить?

— Не надо. В комбинатской столовой до отвала питается, до тройной отрыжки.

Мать проводила сына, выйдя за ворота на улицу, и простояла на одном месте, пока черный лимузин не скрылся за поворотом переулка и не стало слышно ее рокота.

5.

Миновав Западную улицу деревни, Мигулай Симун правой рукой подал знак ямщику, махнув ею вниз. Машина встала как вкопанная. И хозяин, и ямщик сидят молча, только мотор ровно и тихо рокочет на малых оборотах. Мигулай, открыв дверцу, посмотрел направо. Вот-вот откроются выходящие на улицу два окна деревянной избы, и в одном покажется тетка Варвара, а в другом — Валя. Варвара Ивановна пригласит родню отведать блинов. Дочь лесной деревни Валентина Алексеевна коричневыми глазами манит испить медовуху любви. Как тут не устоишь, не заглянув?

Пути-дороги исчезнувшей, улетевшей куда-то московской птички накрыла волна комбинатских будней. Вихрем круживший вокруг сердца ветер любви не перешел в бурю, постепенно улегся, утихомирился. Если бы не вернулся в деревню, не посетил бы клуб...

Сказали, что состоится концерт в честь женского праздника. После доклада и поздравлений на сцену рядом вышли деревенские учителя. Мигулай их всех знает. В коллективе не видно лишь Феклы Архиповны, учившей его когда-то в начальных классах уму-разуму. К ним на свои занятия она ходила из соседнего села Янгорчино, теперь она на заслуженном отдыхе. «Как-то, нужно будет навестить свою первую любимую учительницу, угостить вкусной колбасой», — подумал он. Концерт ведут преподавательница чувашского языка и литературы Ирина Павловна и директор средней школы Николай Феофанович. В тот момент, когда он глядел на дружную супружескую пару, откуда ни возьмись, перед очи прилетела малышка-крошка — «Птичка-невеличка». Крылатая Любовь без ничейного разрешения запела:

Молодцы и в пляске оба мы с тобой,
Пусть гармонь играет, в споре с ней — гобой.
Пусть сердца обоих бьются в унисон,
И любви быть явью, а не сладким сном.

Мигулай прикрыл веки. В этот момент перед глазами промелькнула сидящая рядом в Вурнарском клубе и дышащая жаром кругло-

лица красавица; сажающая в комбинатском саду яблони мастер; перешедшая в женщину девушка в номере люкс гостиницы «Чувашия»; ищущая в Чебоксарах родного отца полусиротка, почувувавшая; после просмотра в Московском Большом театре балета «Лебединое озеро» шепнувшая в ухо «Мне хочется быть лишь твоей!» и бесконечно страстно целовавшая под липой в сквере Зина Крылова. От прозвеневшего в ушах не слышанного им до сих пор незнакомого тонкого голоса парень проснулся от воспоминаний, открыл глаза и... Перед нарядно приедетым хором заливает песню с копешкой завитых кудряшек девушка в коротком платье и белых-белых туфлях:

Среди пестрых цветов на лугу
Мил-подружку искал допоздна.
Аж в глазах появились круги —
Дорогая, где ходишь одна?
Лишь в саду поутру на глазах
Отразился луч солнца в слезах.
Среди звезд отдаленных ночных
Мил-подружку искал до утра.
Ей тогда, может, виделись сны,
Где была, чай, добра и мудра.
На игрищах, заметив меня,
В пляс звала, предо мной семеня.
Среди девок в чужой стороне
Мил-подружку искал до весны.
Мир, проснувшись, расцвел на краю —
Дорогая, скорее проснись!
На землячке жениться пришлось,
Как ее целовать довелось.

— Хватит тебе ковыряться в носу, — толкнул в бок Мигулая председатель колхоза Александр Ильин. — Другую дырку нужно найти ковыряться. Давно время пришло. Вон как подтрунивает девушка-певица над вами, над старыми холостяками? Не упусти данную богом. И я, когда учился в сельхозе, приехав из Чебоксар в деревню, познакомился с моей Валею в клубе. В твои годы у меня был уже ребенок. Славных девушек в Главополе умели захлапывать в клету. Набери храбрости и подойди знакомиться.

Мигулаю Симуну было не до подстрекающего шепотом в правое ухо Ильина, он, затаив дыхание глядел на изгибающийся как краснотал стан под мерное движение рук, на обнажающиеся из-под короткого платья полноватые ляжки.

— Если бы я тогда не приехал в деревню... — все шепчет председатель. — Мою будущую жену из фельдшерского пункта умыкнул бы какой-нибудь деревенский бедовый петух... Воспользуйся моментом. Момент он — надежда будущей жизни. И твоя надежда, может быть, в этот момент начинает осуществляться...

Сын Симуновых повернулся к товарищу и спросил:

— Александр Ильич, что за девушка она?

Ильин, улыбнувшись, в полголоса сообщил:

— Пионервожатая. Деревенские зовут ее Вале́й-Кра́лей. Среди наших девиц выделяется красотой, обаятельностью, вообще, городской манерой. Знаю я, деревня Партас всегда славилась красотками, говорю по секрету, у меня тоже до женитьбы была одна чудесница как раз из древнего знаменитого чувашского рода Партас, чье имя носит и поныне деревня. Родословная наша тюрко-чувашская очень богата целомудрием и красотой своей племени. Не надо упускать из лап своих же красот. А эти всякие... Знай, Валентиной Алексеевной называют ее по-школьному. Какая она девушка, не знаю. Чтобы узнать это, самому придется ее пощупать всесторонне. На внешний вид сразу не узнаешь.

Мигулаю отчего-то стало казаться, что пристроившаяся к хору на левом его крыле певица смотрит только на него, сыплет из глаз искры только в сторону его глаз, а губы зовут встать с ней рядом только его.

По всему телу разлилась весенняя болезнь, как мартовская у котов. Природная жизнеутверждающая сила заставляет действовать.

После концерта по полученной от толчка Ильина инерции, он невольно предстал перед девушкой-певуньей, заплетающим языком несмело заговорил, поздравил ее с праздником, представился и изъявил готовность ждать на улице, пока она оденется.

И вот вскоре, вместо девушки в легкой тонкой одежде на сцене, из клуба выскочила другая красавица в черных сапогах, тонком пальто, пашковой шапке, надетой на пышные кудри.

Природа начала марта стелила на пути девушки и парня пышный снежный ковер.

Снег тихо хлопьями идет,
За нами тянутся следы.
Маня, дорога вдаль ведет,
По ней шагаем я и ты.

Слушая декламирование Вали, Мигулай постепенно осмелел, взял ее под левую руку и повел по улице, ведущей к дороге на село Орауши.

— Вы что, знаете, где я живу? — удивилась Валя.

— Нет, не поэтому, мне нужно заглянуть к тетке, мама велела сказать ей срочно кое-что. Отсюда недалеко их дом. Затем мы вдвоем, если разрешите, до утра можем гулять. Хорошо?

— Хорошо. Я согласна. Мне некуда спешить. Завтра — выходной.

Подправив подпрыгиванием сбившийся шаг, Валя продолжила декламировать стихотворение дальше:

Все молодость чего-то ждет,
Меж тем и пляшет и поет,
На игрища весной идет,
А жизнь ее вперед зовет.

— Складно звучит. А кто сочинил его? — не сдержался Мигулай.

Замедлив шаги, девушка душевно засмеялась, освободила руку и сказала:

— Поэт весны сочинил.

— Поэт весны? — наклонил голову Мигулай. — Разве такое бывает?

Не сдерживая внутреннюю радость, Валя покружилась на одном месте:

— Бывает. Все может быть. Ну, по-другому, весенний соловей. Ведь, поэты они все — весенние лирики-соловьи. Теперь понятно?

— Да, понятно, — наклонив шапку, парень почесал левый висок. — А есть продолжение?

Валя, видимо, вспомнила только что сочиненные слова и дальше стала читать:

А славна-то молодость трудом,
Ведома пламенной душой,
За свадьбой строит новый дом,
Чтоб не печалиться нуждой.

Снег тихо хлопьями идет,
За нами будут ли следы?
И что же впереди нас ждет,
Пойдем ли рядом я и ты?

— Ужель подъемы так круты!? — на всю улицу раздался громкий голос Мигулая Симуна.

— У меня кончилось стихотворение, — закрыла рот парня Валя маленькой рукой в тонкой перчатке. — Что подумает, услышав, Вар-

вара Ивановна? Старых людей надо остерегаться. Я же у нее на квартире. Славная старушка. Как мать ухаживает за мной.

Мигулай растерянно мотнул головой:

— Разве не забавно?

— Отчего забавно? Вот проводили меня, а теперь идите к своей тетке. Спасибо. До свидания! Доброй ночи!

Мигулай задержал девушку за воротник пальто:

— Подождите-ка?

— Хотите что-то сказать?

— Да ведь Варвара Ивановна — моя тетка. Ладно. Завтра мама сама придет. Тут недалеко.

— Давайте зайдите уж, коль мать просила что-то передать. Может, срочное?

— А кто согласна была гулять по деревне до утра?

— Ладно уж, извините, не сегодня, итак припозднилась.

Парень отпустил руки вырывающейся девушки. Она вприпрыжку побежала к створке ворот, повернувшись, помахала рукой. Вскоре заперлись окна избы.

Вот Мигулай Симун проводил до ворот тетки свою двадцати трехлетней давности Любовь и очнулся от объятия воспоминаний, затем твердо приказал ямщику:

— Прямо в Вурнары!

Но воспоминания никак не выходили из головы.

Разве встреча на празднике восьмого марта не развилась так же как в стихотворении? И слова Валя нанизала бисером как бусинок. О рождении стихотворных строк она рассказала Мигулаю при следующей встрече.

Тогда он, приехав из Чебоксар, не домой пошел, а по мановению любви, запыхавшись, поспешил к тетке, привез полную сумку разных мясных продуктов. Валя посадила его на стул рядом с высоким фикусом и заставила без конца говорить. Сама, то и дело бросая взгляд на него, что-то чертила, малевала на ватмане. Любящая шутить, о чем только не спрашивает парня.

— Когда вы безмерно радовались?

— Когда отец впервые доверил трактор.

— Когда вскружилась голова?

— Когда в Ораушах получил аттестат зрелости.

— Ясно. Крепко думали куда пойти учиться. Ага, наклоните-ка немножко голову в сторону печки. Хорошо. Вот так держите. Не шевелитесь. Еще вот о чем хочу узнать?

— Еще о какой дьявольщине хотите узнать?

— О любви. Вы, парни, ведь любите петь: «Одну тебя люблю, ты для меня и Солнце, и Луна, и Звезда, сердце доверю только тебе». В первый раз... кого поцеловали?

— А? Не желторотую птичку-воробушку, конечно... — махнув рукой, пропустил этот вопрос Мигулай, а сам в тот момент вспомнил былое.

Не слишком завидным и франтовым парнем был Мигулай Симун. Потому ли девки не слишком-то липли к нему. За это он не переживал, учился, не поднимая головы, лето проводил в поле с отцом на комбайне. Гармонистом не был и заядлым плясуном, тоже. Но все же и для него заваялось в утробе мира одно пряслице. И так, когда проводили школьный вечер, из села Орауши они возвращались уже в кромешной темноте. У околицы Главополя в голову Анания Платонова пришла шальная мысль, «Айдате заглянем на ферму?!» — неожиданно предложил он и повел всех в сторону огней. Свинарки собрались в общежитии. В красном уголке кто вышивает, кто прядет, кто вяжет носки. На столе стоит четвертная бутылка, рядом — стаканы с налитым самогоном, пироги, блины, чашка с квашеной капустой.

— Вот и прибыли женишки! Что будете пить: пиво, или... Уставшие от трехкилометрового пробега, оттого немного проголодавшие они не заставили лишний раз уговаривать себя, расселись за столом. Смелость старше их девушек Мигулай испытал лишь испив самогонки и пива. Во время танца под грохот печной заслонки Марья с Нижней улицы прилипла к нему как репей, затем под предлогом помощи ей потащила его в свинарник. Там в маленьком закутке надела таки на веретено нецелованного юноши свое мокрое горячее пряслице захмелевшая Марья. Впоследствии в лесистых балках не раз приходилось испытать эти жгучие пряслица... Но как с маленькой птичкой — Крылатой Любовью, никогда и ни с кем не взлетал в бесконечную блаженную высоту. «Где же сейчас летает Крылатая Любовь? Рисующая мой портрет Новая Любовь не улетит ли в Чарклинский лес близ своей деревни Парта? Почему я не смелее девушек? Почему они сами пленяют меня?

— Когда доходил до желания умереть, утопиться в воде?

Вздвигнув от неожиданности, Мигулай оторвался от мыслей, пронзительно поглядел на нее, встретив испытующий взгляд, быстро произнес:

— Когда в Москве попал под машину... Поступать в институт из своей деревни мы поехали втроем. При переходе улицы меня сбила

«Волга», у которой отказали тормоза. Вина была не моя. Мучаясь на больничной койке, не раз, бывало, думал, лучше бы машина сбила меня насмерть. А в воду... Не мыслил пока прыгнуть вниз головой ни в Волгу, ни в Санарское водохранилище.

— И не надо. Давайте жить до старости. Вот, кажется, ваш внутренний мир отразила на бумаге, выводя его на мирское обозрение. Остается только повозиться с красками на полотне. Ну как, нравится?

Мигулай немало был удивлен. Не поверив, посмотрел в зеркало. Ну точь в точь он сам.

Продолговатое лицо немножко напоминает твоего деда, — похвалила и тетка. — Какую одаренную девушку нашла я. Никуда не отпущу ее теперь от себя. Только тебе могу доверить, Мигулай. Не дури себя в поисках какой-нибудь вертихвостки-майри. Вот твоя будущая жена, вот наша будущая сноха. Богом предопределены друг для друга.

Застеснявшись, Валя убежала за ширму.

Любовь парня из Главополья и девушки из Партас проверяет время. Мигулай спешит в деревню, Валя — в город. К тому времени она поступила в педагогический институт. Чувство прекрасного и образности решила усилить в высшей школе. Воспринимая глазами мастерство известных художников, впитывая душой и сердцем, ощутило поднялась на более высокий уровень. Облик любимого, постоянно поправляя и усовершенствуя, сумела изобразить возвышенной.

Расписались в деревне же. Варвара Ивановна наконец отдала девушку в надежные руки своего родственника. «Из рук не выпускай, нарожайте детей, шагайте рядом по жизненному пути, прославляйтесь в людях добрыми именами», — напутствовала она. После этого недолго прожила старушка.

Симунову выделили комнату в общежитии за комбинатом. В эту вонючую дыру привел главный механик мясокомбината молодую жену, оторвав от чистого деревенского воздуха. Лишь через несколько лет избавились они от нее. Новый комбинат начал строить жилые дома. И для Симуновых нашлась однокомнатная квартира в начале улицы Шумилова за почтовым отделением. В то время по квартире уже бегали дочь и сын. Мечтая о трехкомнатной квартире, засыпали каждый вечер Симуновы.

Нет, Вале не пришлось стать городской барышней-майрой, жить в просторных уютных комнатах, радуясь с детьми.

— Почему-то в тебе нет образности, Коля, как в других людях? — сетовала Валентина Алексеевна, готовясь к переезду в Вурнары. — Начатый в Главополье этот портрет до сих пор не могу завершить.

— Почему на картине я должен выглядеть как сказочный герой, могучим, боевым, красивым? — возразил муж. — Каким видишь, таким и рисуй.

— Так портрет ничем не будет отличаться от фотографии, но я должна изобразить твой облик в рамках искусства...

— Может, изобразишь мой облик в образе Шайтана, живущего в овраге за нашей деревней? — не сдержался Симунов. — Я вырос, играя в Шайтан-овраге, там же поцеловал я тебя впервые, когда рвали с тобой спелую землянику. Запомнить нужно было мой измененный облик...

— И правда! — воскликнула жена, разворачивая завернутую раму и доставая из ящика краски, кисточку. — Глаза у тебя были вытаращенными, глазницы расширенными, в лице отражались смелость и отвага, также и твердость. Постой-ка, сейчас попробуем добавить несколько мазков на лице разными красками...

Махнув рукой на мазно жены, Мигулай начал разбирать шифоньер.

— Вот, погляди! — крикнула Валя. — Как, изменяясь, усилился твой облик. Больше ничего не нужно. Можно выставить на любую выставку. Иди погляди скорее!

Мигулай в своем облике, кроме сверкания свежих красок, никаких изменений не обнаружил, лишь успокаивая жену, похвалил:

— Прекрасно. Точно я.

— Не-ет, — обняла его жена. — Ты теперь с портрета смотришь на меня не просто так, а одухотворенно, заманчиво, притягательно. В глазах горят искры пламени, надежды. Замечаешь ли, кто ты теперь? За это и не грех крепко поцеловать. Вот так. Как в Шайтан-овраге. Как раньше.

Переезд в Вурнары лишь для мужа был не обременительным. А для жены перевоз детей, всего до сих пор нажитого, одежды обратно в не оторвавшийся полностью от деревни рабочий поселок, перемена привычки к городской жизни стали настоящей бедой. Никак не выходят из головы столичные мечты и надежды.

Вот Мигулай Симунов в воспоминаниях впустил в дверь новой квартиры в Вурнарах жену с двумя детьми и стер с глаз туман прошлого, остановившему машину перед комбинатом шоферау сказал:

— После обеда должны быть в Ибресях.

Ожидающие генерального директора в коротком коридоре посетители ожили, повернули головы в его сторону. В приемной прямо с

порога взял у секретарши список посетителей и привычным взглядом быстро пробежал по нему.

— Ага, прибыли долгожданные, — не скрыл своего довольного вида Симунов.

— Кто? — спросила Мариша.

— Боги воды. В первую очередь их приму. С каких пор сохнут Вурнары без воды. Три Цивилия только на три дня. Давно планируем брать воду из Суры. Помеха на помеху. Слово на слово. Проектными бумагами лишь вытираться по нужде районным и республиканским начальникам. А без воды нам... аргамак будущего от жажды заартачится. Опять самим страдать. Пора начинать прокладывать водопровод Приозерное-Вурнары. Желаящие проложить его явились, вон.

Он налил в стакан артезианскую воду, добываемую из пробуренного во дворе комбината колодца, с удовольствием выпил и с успокоенной душой пошевелил плечами, смягчил затекшее в дороге тело. Эта вода в графине богата минеральными солями, она — целебное снадобье. Использование ее в производстве на технические нужды — все равно, что пустить деньги по реке, или по ветру. Но, к сожалению, или к несчастью, нет другой воды. Когда начнет бить фонтаном вода из глубокого чистого озера, сразу откроет новый цех и минеральную воду из-под задницы будет продавать. Деньги будут бить и из-под земли. Надо довести дело до конца!

Входящих в дверь троих коренастых встретил директор, выйдя навстречу из-за стола. Оказывается, чебоксарцы. Из «Водоканала». Прибыли в указанное время.

Симунов принял всех посетителей. Под конец попросил зайти после работы начальника колбасного цеха Капралова. Он очень доволен тем, что пригласил Геннадия Николаевича из Санара. Ему известно было, как работает Капралов там зоотехником. Хвалили его. Но как пересел в директорское место, ему, кажется, перестало везти. В этом, конечно, не он один виноват. Оказывается, каждому человеку нужно определить предназначенное ему место. Пусть специалист прославится там, но на более высокой должности бьет землю копытом на одном месте, никак не может продвинуться вперед. И себя посрамит, мучается, тужится, подчиненным не приносит пользы, и на работе от него только одни убытки. И у Капралова на должности директора совхоза заметно поблекла добытая в ходе работы зоотехником слава. Лишь по этой причине Симунов пригласил его к себе, вовремя спас способного специалиста, не дал стореть. А как преуспеваает теперь он на комбинате.

Проворный начальник почти бегом, запыхавшись, зашел к хозяину.

— По какому вопросу, Николай Алексеевич? Утром вроде почему-то ни о чем не напоминали... Случайно нет жалоб по качеству? Это нас больше всего пугает.

— Подойдите поближе, — крутнув рукой, позвал его Симунов. — Не волнуйтесь. Ни рекламаций, ни плохих вестей ниоткуда не пришло.

— Люди мои один другого способней. Непригодную... Думаем, что непригодную колбаса, сосиски-сардельки не выпускаем. И копченую научились по-новому изготовить.

— Все это знаю. Вот почему пригласил.

— Слушаю, — видя, что хозяин встал на ноги, Капралов тоже вскочил, скрипнув стулом. — Все же что-то недобро.

Вышедший из-за стола директор сделал несколько шагов и щелкнул пальцами правой руки.

— Стыдно говорить. Знаете ведь, Чебоксарский комбинат, как запущенный ракетой спутник, вновь вышел на просторы славы. Гордыней — опять акула. В момент может проглотить вроде рыбешек комбинаты.

— Но нас-то не проглотит, удавится. Мы сами зубастые.

— Будь и щукой, не стоит слишком заноситься. У них спонсоров много — акционерные хозяйства. Новый генеральный директор Иванов установил такие же строгие порядки, как и мы. И хозяйства, расположенные по другую, южную сторону железной дороги, связаны с «Чебоксарским». К тому же, чего только не выпускают они? Очень прославились шыртаном. Это же наш, чувашский тулгармыш, национальный мясной продукт — кошелек с золотом. Во всех уголках земного шара, где проживает человек, и для черных, и для красных пригожая еда. Сытная. Долго хранится.

— Мама наша варит.

— Изготовленное матерью только для вас самих. Вот-вот лететь мне в Англию. Я ведь хозяин мясного комбината! Что мне прихватить туда? Мясо, колбаса?

— А что, ассортимент у нас какой богатый: мясо в сетке, кабаноси, карбонат, шейка, рулет, балык, буженина, ассорти...

— Есть-то есть, но нет в кармане холодильника. Что, сушеное мясо? Мясные консервы? Чем изумить англичан? А знаешь, в зарубежных странах я каждый раз прихватывал ширтан. Покупая в Чебоксарах. И на этот раз пришлось бить челом в бывшем родном комбинате. Юрий Александрович подтрунивает надо мной: «Возвращай-

ся к нам обратно, место хорошее найдем, в столице сразу шикарную квартиру дадим, тогда заботы о ширтане не будет».

— Помнится, мы с вами когда-то говорили о ширтане.

— Потом отавой заросло. Теперь вот наступила корова на ногу.

— Давай сами начнем выпускать шыртан. Думаю, нигде не заляжится. Езжайте и научитесь. Об этом я с директором Ивановым обговорился. Он вас ждет. Готов помочь — без зависти, не боясь. Давай, говорит, посмотрим, мол, у кого окажется вкуснее.

— А я и так прекрасно знаю как его изготавливать. У матери научился, всегда помогаю ей...

— Ой какой молодец у меня начальник колбасного цеха! А ну-ка, расскажите, пожалуйста, о нашей национальной технологии? Раскройте-ка семейные кулинарные секреты?

И вот Геннадий Николаевич четко рассказал как готовят они чувашский шыртан:

— Как известно, нужна баранина. Бараний желудок аккуратно промывать, ошпарить в горячей воде, внутрь хорошенько соскоблить, после чего промыть в холодной воде. Из желудка зашить круглый мешок, оставляя небольшое отверстие. Мешок наполнить сырой бараниной, нарезанной кусочками по тридцать-сорок граммов, заправить чесноком, лавровым листом, посолить, отверстие зашить, сверху слегка натереть солью, положить или в глубокую глиняную чашку, или на противень отверстием вниз и поставить в русскую печь на три-четыре часа до появления золотистой корочки.

— На срочное объедение он готов, хотите сказать?

— Да, — от удовольствия даже подпрыгнул Капралов. — Прямо из печи можно подать его на стол. Вот это еда... с четвертью самогонки.

Симунов глотнул слюни, махнул рукой:

— Айда, продолжайте.

— А для длительного хранения шыртан нужно поставить в печь повторно на час-полтора и продолжить, пока полностью не выгечет с мешка мясной сок. Мать, когда на лето варила, в мясо добавляла больше соли и ни в коем случае не пускала чеснок. Вот и висели аппетитные бомбочки в прохладном месте на сквозняке, не портились. На один килограмм шыртана потребуются два килограмма баранины, десять головок чеснока, молотый перец, лавровый лист и соль...

Директор остановил начальника-повара:

— Это все понятно, Геннадий Николаевич. — Овцы, барашки... Где же мы их найдем? Не только на шыртан, но на шашлык не най-

дешь баранины. Дефицит. Овцеводческие фермы, комплексы давно уничтожены. В деревнях на десять дворов одна овца. Овцы пасутся с коровами. Деревня чувашская без барашек и пастуха... Ни теплых носок, шуб, ни мяса-баранины не надо чувашу двадцать первого века. Бараньи головы... все на привозное привыкли. Как же нам изготовлять настоящего древнего ширтана? Из чего? Выхолит, из свинины и говядины, как и поступают чебоксарцы и наши соседи марийцы. Так что, оформляй командировочные. Иванову от меня большой привет.

Так они договорились. После расширения немножко колбасного цеха, есть еще новые задумки.

Из Москвы пришла добрая весть. Начали выполнять просьбу вурнарцев. У фирмы «Бирмингем» добавится еще один заказ.

Все дела, надлежащие завершения до своего отъезда, и спешные, Симунов вроде бы разрешил. Туристическая путевка у него в кармане. В субботу время с женой провели, работая в саду, затем попарились в бане. Вернувшись домой, Николай Алексеевич не стал подходить к телефону. Ему ни с кем не хотелось говорить.

Ночью бредил во сне. Будто бы в Главопольском Шайтан-овраге длиннохвостые обезьяны в платках окружили его и щекочут, из-за обнимки с ним и поцелуя, дерутся друг с другом. Самая молодая в какой-то момент превратилась в его секретаршу Маришку. Капающие из ее глаз слезы по щекам Николая Алексеевича стекают к губам. Жена его, Валя, отломил прут ивы и начала хлестать обезьян по спинам. Те щекочут его в пятку. Не выдержав, он громко засмеялся и с этим смехом проснулся, опомнившись, от удивления произнес «фу», провел ладонью по вспотевшему лицу и с досадой оттолкнул спящую в ногах кошку, мучительницу свою.

— Чего дурачишься? — бормочет недовольная жена спросонья.

Глаза опять закрываются. На сей раз Симунов во сне очутился в Лондоне. Из Букингемских ворот выплывает запряженная четырехпарными конями карета. Спереди и сзади — верховая охрана. В карете сидит королева Елизавета и машет рукой. Рядом с ней — супруга сына Чарльза Диана. Вот эскорт останавливается. Диана спрыгивает с кареты и подходит к Мигулаю.

— Мистер Симун, на земле Великой Британии мы встречаем вас по-английски. Для вас приготовлено место в Королевском дворце.

— Пожалуйста, Ветрокрылый к вашим услугам, — показывает кивком головы на гарцующего на одном месте сивого жеребца с нежинскими подошедшая к ним Анна, дочь королевы. — Посоревнуемся?

Мигулай Симун, соглашаясь во всем, прыдет-мотает головой, словно жеребец.

— Относясь к Вам с превеликим почтением, королева приняла решение присвоить Вам титул лорда, — наклоняясь по пояс, подает ему толстую папку мужчина высокого чина в блестящем наряде, он неспешно надевает на Симунова старинного фасона одежду.

Мигулай не успел опомниться, как Диана и Анна усадили его на расписанное золотом и серебром седло. Миссис Диана села в карету. Мисс Анна села на своего коня. Верховая охрана двинулась с места. За ней — карета королевы.

— Давайте соревноваться! — крикнула всадница Анна. — Скачите, догоните меня, мистер Симун!

Всадники поскакали вперед. Мисс Анна, весело хохоча, скачет впереди. Мистер Симун заметно отстает от искусной всадницы-наездницы. Перескакали через реку Темзу, внизу виднеются скалы гор. В какой-то момент за спиной мистера Симуна оказалась Валя, свалившаяся откуда-то с кудрявых облаков, крепко ухватилась за галию мужа. Мисс Анна скрылась с глаз. Сзади гремит голос жены:

— Ах ты, развратник, к дочери королевы Англии бегаешь?! С титулом лорда в королевской семье хочешь жить в славе?! Поэтому пустился странствовать по миру?! У тебя в Вурнарах есть жена, дети! Я их родила не с кем-то в стороне! Мне одной что ли воспитывать их?! Вот я покажу тебе лорд, покажу мистер! Товарищ Симунов ты, господин Симунов, мой муженек-Мигулашка! Ах, той бы, молнией скачущей мисс-кобылке!.. Разверни сейчас же аргамака в сторону дома! — резко дернула она за поводок, но вместо коня мужа, развернулся конь дочери королевы. Валя куда-то исчезла. И мисс...

Вместо мисс Анны в седле восседает давно исчезнувшая Крылатая Любовь — крошечная птичка — «Птичка-невеличка». Заливисто хохоча, она подъезжает к нему. Между Главопольским Шайтан-оврагом и рекой Темзой будто бы протянули бычьей кишкой. И вот по гладкой дороге приближаются к нему с одного конца — женщина из Москвы Зина Крылова, с другого конца — девушка из Партас жена Валя. «Если не повернешься ко мне, вырву с корнем, кишки переберу!» — энергично жестикулирует руками жена.

От щекотки в носу длинным хвостом Шайтана, сидящего на высоком колпаке лордов, Мигулай громко чихнул, и протянутая блестящей кишкой дорога с треском оборвалась. В горах что-то грохнуло раскатом грома.

Мигулай проснулся на полу. Видимо, жена теснила-теснила его... вон вытянутая правая рука ее покоится на том месте, где только что

лежал он, сама блаженно сопит, чмокая губами и что-то бормоча. Полосатая кошка спрыгнула с кровати и, мурлыча, стала тереться о ноги хозяина.

Сон улетел. Гадая, что же могут означать эти сны, он потер лоб и подошел к окну. Из-за Пасечной рощи лучи солнца тянутся к небу и на кончиках качают луну, не успевшую никуда спрятаться в чистом небе. Вспомнилась девушка с коромыслом из чувашской сказки. «Ты мне все равно не плеснешь шербета из полного ведра, к тебе вон явились сыновья солнца», — подумал он и направился в кухню. Вчера дал волю себе, выпил от души, сейчас немного побаливает голова, во рту пересохло. Из холодильника достал минеральную воду.

6.

На вторник был приобретен билет на поезд Чебоксары-Москва. В начале недели Симунов провел последнюю планерку. Он давно уже подумывал, кого же оставить вместо себя. Сложный хозяйственный механизм, если ослабится порядок, может за короткое время измениться в худшую сторону, сбиться со сложившегося за последние годы ритма, добившегося им с большим трудом. А это может принести ощутимый вред не только артели, но и району, и даже республике. Его заместитель так и не добился того, чтобы в любое время заменить свое отсутствие за время турпохода в страну туманов.

У него получилось в Чебоксарах совсем по другому. Николай Михайлович Турков его отпустил от себя, будто бы оторвал часть своего сердца, почти плача навзрыд, но благословил, скрепя сердце. Чувствуется, будто первый чебоксарский наставник, опытный руководитель, подсказывает ему мудрую мысль, и Симунов принял окончательное решение. И теперь с радостью готов он заменить своего заместителя на другого человека, к тому же, на женщину, на которую он надеется, как на самого себя. И пытается успокоить свою душу, что все обойдется на производстве и в коллективе, как положено, и он спокойно отдохнет от трудовых будней.

Эта женщина итак тянет все комбинатские заботы. Если выразиться по-русски, как говорится, по-бюрократически, то она на самом деле и правая его рука, и душевная надежда — начальник производства Пивень. На самом деле можно приравнять ее к пивню, которая готова землю прорыть, чтобы навести порядок. Никто не помнит, чтобы в этой «вонючей дыре» продержался дольше ее. И на этой своей должности с семьдесят четвертого года.

Симунов никогда не интересовался, почему приехавшая в Вурнары из техникума мясной промышленности Полтавы Людмила Пивень так полюбила Чувашию и чувашский народ. Думая о своих подчиненных, он почему-то забеспокоился, вспомнил, как принял его на работу «генерал» Турков и как обеспечил условиями работы и личной жизни. Доброе к нему отношение приковало молодого инженера к начальнику на всю жизнь. И никто не может расковать эти узы дружбы. В трудные моменты жизни перед ним всегда встает образ Николая Михайловича, припоминаются его умные нравоучения. После расставания с ним, помня своего первого доброго директора-«генерала», сколько он совершил благородных дел. Каким впоследствии станет конь, всегда зависит от того ямщика, кто его первым запряг.

Симунов не знает ни одного прежнего здешнего директора, кроме Мигулая Синицу-Синицына, от кого получил бразды правления. Старые рабочие вспоминают Михаила Болтухова и с добром, и с осуждением. И его можно понять, если учитывать пятидесятые-шестидесятые годы, когда он правил тут. Если сам не сможешь справляться, то и упавший с неба мешок с золотом можно упустить по речному течению. И готовые дармовые деньги нужно уметь использовать. Оказывается, настоящим хозяином, сметливым мужиком был Болтухов. Говорят, что даже известного председателя колхоза Кольцовки Героя соцтруда Сергея Короткова заставлял класть кирпичи при строительстве главного здания комбината. Хитрый, умный хозяин. Главный корпус до сих пор не забывает его имя, работает, наживает добро. Вышедшая через горнило комсомольской руководительницы-распорядительницы-наставницы Валентина Павлова переняла у Болтухова хозяйство артели. Тогда и прибыла сюда молодая специалистка в неведомый ей край, техник по должности попала в умные руки умеющего ладить с молодежью директора.

Вот она, немолодая уже, но привлекательная женщина Людмила Сергеевна Пивень, начальник производства мясокомбината, сидит напротив и слово за словом вспоминает своего первого начальника. Павлова, оказывается, запала и в ее душу. И Симунов не отстает от Павловой. На всю жизнь запомнились ей эти два умных руководителя.

— Хорошо, что я встретилась с этой Валентиной Николаевной, — после этих слов сделала короткую паузу Пивень. — А на язык была словно ласточка, станом была похожа на сказочную красавицу, а обращалась с просьбами как мать родная. Если что не получалось по работе, стыдилась как перед матерью. Первой должностью она назначила мне мастером только что приобретенного холодильника.

Я в ужасе. А вдруг что-то случится? Сколько в нем мяса, не дай бог испортится. Ответственность на мне. Впервые в жизни взяла на свою душу — заячью душу — такую огромную ношу. Затем перевела меня в колбасный цех. На этот раз не испугалась, правда, много приходилось заниматься обустройством труда и отдыха людей. К сожалению, нашу «маму» перевели в Чебоксары, на более высокий пост. При ней я не знала усталости. Какая-та чудодейственная сила влияла на меня постоянно делать доброе и придумывать новое. Видимо, и поэтому и моя первая любовь во время учебы не притянула меня. Вот этот земной магнит, мощь этой чувашской женщины-«матери» нашей приковала меня, не позволила покинуть Вурнары, связала с другой любовью — новой любовью — создала семью, свила дом. Извините, что я стрекочу тут как сорока. Не язык ли женщины. Меня ли хотите оставить на свое место? У меня итак нет времени ни на что постороннее. Да и ответственность тут большая. Что-то я начала уставать.

— Не прибедняйтесь, на вас можно надеяться, — ободрил ее директор. — Мое место поможет вам закрепить свою должность, управление комбинатом. Приказ издан. Вот, распишитесь.

В это время из Чебоксар сообщили: завтра Вурнары посетит президент Республики Федоров, может заглянуть и к вам, слишком не поднимайте шума, будьте предусмотрительными.

В хозяйстве Симунова итак все нормально. Но, какой бы строгий порядок ни установлен, найдется, что переложить вдоль, лежащие поперек. Нельзя оставить в неведомости начальника производства. С ним прошли по корпусам, проверили, где что может броситься в чужие глаза, зашли к работающим во вторую смену. Вроде, беспокоиться не о чем. И Людмила Сергеевна пришла к такому мнению.

Забыв сказать секретарше, чтобы шла домой, Симунов вернулся в контору. Оказывается, его вновь искал глава района Кузьмин. Он догадывался, зачем звонил к нему Анатолий Иванович. Конечно по поводу представительного гостя — Федорова. Иначе зачем же ему нужен? В прошлый раз разругались было из-за денег, но когда поднялось настроение, директор его вырубил. Для развития культуры распорядился перевести двести тысяч рублей. Но за какую же культуру? Так и не узнал. В следующий раз выделит только на специальные, адресные нужды. Иначе из общего котла так называемой «культуры» неизвестно кому достанется вкусный навар. На главу Симунов глядит не через темные очки. Он никогда не думает обманывать говорящего всегда открыто земляка из деревни Санар. Видимо, и Кошкин, когда верховодил Вурнарским районом, и к Кузьмину придирался так же как и к Симунову, грозился, потому ли Анатолий Ивано-

вич действует по другому психологическому методу, никогда не повышает голоса, говорит только по существу, берет верх разумными доводами. Такое начальство легко поднимается по бюрократической лестнице. Смелых и умелых как Кузьмин пока не видит Николай Алексеевич среди земляков — руководителей. Настанет ли когда-нибудь такое время, как когда-то вурнарцы гремели на всю республику? Назначение Александра Ильича Кошкина министром сельского хозяйства кажется только то, что руководителю Вурнар вручили плетку Чебоксар, и нисколько не означает, что вурнарский деятель поднялся на ступень выше. Кошкин — родом из Байгулово. А Байгулово — в стороне Козловки.

Мариша тихо открыла дверь, неспеша подошла к столу и положила не слишком толстый конверт.

— Забыла давеча вручить, извините, пожалуйста.

Директор кивком головы и показывая глазами предложила сесть. Девушка поняла и легко села на стул.

— Что-то хотели сказать?

— Сейчас, только вот вскрою конверт, — сказал Симунов, беря со стола конверт и разрезая ножницами, затем вынул сложенные бумаги и быстро прочитал, — нижегородцы... Просили у них водопроводные трубы. Отпускает их Выксунский металлургический комбинат. Готовы менять на колбасные и мясные изделия. Эти бумаги завтра отдадите в бухгалтерию, письмо — Людмиле Сергеевне. Вместо меня остается Пивень. Вот, размножьте приказ и раздайте.

Секретарша встала со стула.

— Можно идти? — слишком уж вопросительно послышался мягкий голос Мариши.

— Можно, — встал и начальник.

Взяв за ручку двери Мариша повернулась и, опустив голову, сказала:

— Я совсем забыла вам сообщить.

— Что там еще?

— Из Италии передали привет.

— От Виталия?

— Не-ет, из Италии, — засмеялась секретарша. — Пусть из заграницы, но от Виталия.

— Да ну с этой жизнью, — махнул рукой Симунов. — Совсем запутаешься. Не выходят из головы трубы из Выксы. В мыслях я уже качаю воду из Приозерного. Ну-ка, говорите, что из Италии? Только привет? Опять побольше шкур не спрашивали? Если спросят, тут же скажите, что шкур пока не хватает, нет их. Привет-то от кого?

— От Лебедева. Вы правильно поняли меня. А насчет шкур никто не интересовался.

А-а? От Лебедева... От Виталия?

— Ага, от Виталия Семеновича. Из острова Сицилии. Звонили из города Палермо.

— Ха, куда долетел. Лебедь настоящий. Чем же он там занимается, в мафиозном гнезде? Сидел бы тихо в своем Саранске, Он там директор мясокомбината. Вместе учились в Москве, в одной комнате жили. Еще что сказал?

— Ничего не сказал. Не сам разговаривал...

— А кто же тогда?

— Секретарша. Моя ровесница, Алиса. Мать у нее из Саранска. Когда она приехала по направлению на химзавод, заблудилась в Вурнарах. С ее дочерью Алисой мы вместе учились в школе. А когда она поехала к бабушке в Саранск, познакомилась со своим Лебедем. Она говорит, что вас знает, будто бы вы угощали ее шоколадом,

— Было такое, когда я ездил к другу в гости. Хэ, Лебедев... И контору свою увез вместе.

— Почему говорите контору? Может, приемную? В самолете полетел вместе с той, которая сидела там. Алиса большущий привет передала вам. Величиной как Средиземное море. От обоих.

— Виталий Семенович, от радости, видимо, язык проглотил.

— Насчет языка не знаю. Начальник Алисы отправился вроде на какую-то деловую встречу. Вот здорово, а? Вот дают!..

Глаза начальника и секретарши встретились. Девушка замигала и опустила голову.

«Эх, наивная Мариша, бедная Мариша, ты не смелая Алиса... И Вурнары не Саранск... — за дверью сама с собой разговаривала секретарша. — И Симунов не Лебедев. Уж глядя на меня, расплывается в улыбке. Понял ли что-нибудь старый баран. Эх, какая ты счастливая, Алиса».

И старый баран замечает, какая ярка резвится рядом с ним, но не ронять честь свою считает выше того, чем искушаться соблазном. Если себе хоть раз дашь волю, то руки соблазна сдавят горло и не дадут свободно дышать, оставят без штанов, отнимут доброе имя, сотрут честь, выставят на посмешище. Перед всем народом. Вот это и сдерживает Симунова.

Районное начальство Анатолий Кузьмин с утра вызвал к себе. Поднял на ноги всю милицию. Есть и тайные охранники из Чебоксар. К десяти часам за памятником Ленина к зданию администрации

подъехала группа легковых автомашин. Глава района со своими людьми-сотрудниками, вообще, со своей командой спустился с крыльца. Парень и девушка в чувашской одежде держат круглый каравай с солью и крынку с пивом. Вышедший из задней двери чувашский царь испробовал хлеб с солью и пиво и поздравил вурнарцев...

И мясокомбинат встретил дорогого гостя по той же традиции. Симунов остался доволен тем, как его молодежь подготовилась к встрече. Федоров побывал в главном корпусе и консервном цехе. Видавший часто такое, он ни к чему особо не придрался, только заметил, что главное внимание нужно уделить обновлению зданий. Старые корпуса и цеха и новая механизация и автоматизация никак не согласуются.

Во время беседы президент расспросил каждого ответственного сотрудника по очереди.

— Александр Ильич, скажите честно, вы помогаете Симунову чем-нибудь?

Министр сельского хозяйства Кошкин будто ждал вопроса, не растерялся, ответил четко:

— Помогаем, Николай Васильевич.

— Чем? — хитрыми глазами заиграл Федоров,

— Финансами. Что выделяют по закону...

— Им самим, или району?

— Разумеется, району. Район помогает комбинату.

— Правда, что помогаете, Анатолий Иванович?

Кузьмин тоже научился отвечать четко. И он отчеканил на одном дыхании:

— Деньги, выделяемые из республиканского бюджета для развития агропромышленного комплекса, помаленьку достаются и нам.

— Куда они уходят? — спросил президент.

— На усиление и поднятия сельского хозяйства района.

— На, на... знакомая песня на-на... Ясно. Значит, на ветер бросаете. Из этих денег вам, Николай Алексеевич, сколько-нибудь препадает?

— Какое там, — посмелел Симунов. — Десять лет работаю тут — и десяти копеек не попало в наш кошелек из той бюджетной суммы. Мы сами помогаем району, из доходов миллионами выделяем туда. Без нас район сядет в галоши. Раз разговор зашел о помощи, то впредь вот как бы надо делать, Николай Васильевич.

— И как же? — глубоко заинтересовался Федоров, ближе подойдя к директору.

— Мы иногда встречаемся с похожими нас, и вот какой узел завязывается в разговорах...

— Хотелось бы знать, какой же узел? — улыбнулся президент. — Может, развяжете?

От волнения Симунов глубоко вздохнул, потеряв покрасневшее лицо, досадно махнул рукой:

— Министрам развязать нужно его, этот узел, — сказал он, поглядев недовольно на Кошкина. — Помочь развязать можно. Вот послушайте.

Все навестили уши в сторону генерального директора мясокомбината. Он взволнованно продолжил дальше:

Выделяемые республикой деньги минсельхоз распределяет по районам. Доходя до района и... они расходятся как горсть зерна курам. Которой курице достанется, та моментально проглотит. Так исчезает золотое зернышко с глаз. И никому неизвестно, получившее эти деньги коллективное хозяйство на что использует их, как тратит, какой конечный результат получит от этой суммы. Поэтому государственные деньги нужно выделять по отдельности, а не скопом: на полевые работы, на животноводство, на сельхозтехнику, на строительство и на обрабатывающие предприятия, как мы. И нельзя с закрытыми глазами сыпать как сейчас. И если хотите развивать сельское хозяйство на деле, то эти финансовые суммы можно реализовать и через мясокомбинаты. За используемые деньги пусть каждое хозяйство откармливает скот. Это во многом поможет выращенный на мясо скот оставить в нашей же республике. Если из откормленных на государственные деньги многие тысячи свиней и бычков сдавать в свои мясокомбинаты, то каждый район может заметно продвинуться вперед. Зачем скот разбазарить на сторону? А за сданный скот мы деньги платим вовремя. Если есть такая необходимость, то мы, вместо денег, отпускаем и бензин, и дизтопливо, и мясомолочные продукты. Где же наш чувашский патриотизм, друзья мои? Чтобы прожить только сегодняшним днем, мы порой не замечаем ямы перед собой и проваливаемся туда. Почему мы должны играть роль своего маленького «государства», как в комедии «Счастье на скользком льду»? Если играем, то главные герои там должны быть министры, ах да, не только они... но и заслуженные их «народные артисты». Кто должен первым показать пример своими артистическими способностями и умением? — Симунов кивнул голову в сторону Кошкина. — Разумеется, они. Вы. Государственные деньги в первую очередь нужно научиться считать в министерстве. Эх! Александр Ильич, попробуйте заставить работать свой аппарат хоть один месяц без зарплаты? Может, немного поумнеете, жаль, что заработки министерских бюрократов, чиновни-

ков не зависит от конечного результата тружеников села и работников перерабатывающей промышленности.

Кошкин посмотрел на него глазами разъяренного быка, но молчал. Он давно научился в таких случаях сдерживать себя, иначе недолго набить себе шишку, тем не менее зло подумал: «Не смог в свое время разделаться с этим бараном, когда был главой района, ижъ как распустил язык».

Президента, видимо, заинтересовали рассуждения Симунова. Он дружелюбно похлопал по его спине и одобрил все предложения. Чтобы поднять этот вопрос на уровне правительства, он пошептался со своими помощниками. На стоящих перед ним с разинутыми ртами начальников разного ранга он бросил недвусмысленный взгляд и сказал почти приказным тоном:

— Правильное замечание. Действительно, как в спектакле московских режиссеров мы не должны, боясь падать, кататься на льду, держась за Симуновых, сами обязаны твердо стоять на ногах, играя верно порученную нам главную роль, дойти достойно к намеченному концу, заставляя народ бурно аплодировать в финале, приносить ему радость, показать настоящее счастье. Давайте думать глубже. Люди смотрят на нас с большой надеждой. В нашей игре они ждут добра, сытной жизни.

Чувашский крестьянский сын, занимающий самый высокий пост в Республике, разъезжая по районам и городам, бывая во многих отдельных хозяйствах, своими глазами видит жизнь и труд своего народа, своими ушами слышит рассуждения людей, поэтому он недовольтвуется одними только советами помощников, шлифованными словами, но не всегда верными. Услышанные в народе умные предложения-мысли ему помогают принимать взвешенные, достойные решения.

Президенту понравилось и другое новшество вурнарцев. В прежние смутные годы по настоянию Москвы по всей стране создавались укрупненные агропромышленные объединения. Сельское хозяйство и пищевая промышленность Чувашии находились в одном загоне Агропрома. Каждый район тоже был сам агропромом. В Вурнарах им правил Анатолий Кузьмин. И он, и чебоксарские, и московские ямщики для вида держали эти слабые вожжи. Не смогли натянуть их и повернуть в нужную сторону, сельского коня по кличке Агропром не сумели вывести на прямую дорогу. Восседавшие в теплых кибитках баринь-ямщики набиши животы, превратив народные деньги в навоз, заполнили им бездонные ямы. Не смогли организовать вывозку этого удобрения на поля и вырастить достаточное для наро-

да, страны зерно, выработать мясомолочные продукты. Опять вышло так, как когда-то загоняли крестьян под кнутом в коллективные хозяйства. В нашей стране эта привычка приносит народу всегда только нужду. Вон, мелкие хозяйства попытались объединить в необъятные крупные колхозы и совхозы. Половина района занимали некоторые. Какой размах! Вихри жизни их быстро разрушили. Ослабевшие деревни начали вновь создавать свои прежние небольшие хозяйства. Разделили имущество, землю. Земля своя же осталась. Но животноводческие фермы, мастерские, картофелеовощехранилища, техника... Так называемые центральные усадьбы, «сельские города», сосредоточившие в свое время основное имущество, культурно-бытовые учреждения у себя, отъединяющим бедным сказали скатертью дорога. И бесштанники, как только что создающие сельские семьи, остались голодными. Не получилось у многих вновь созданных сельскохозяйственных кооперативов ничего путного, не смогли ни наладить толком свои хозяйства, ни поймать хилой рукой птицу счастья. И министерство сельского хозяйства, и районные администрации спокойно смотрят эту трагедию чувашского села, поставленную неизвестным режиссером двадцать первого века.

Симунов попав без билета в этот огромный по масштабу народный театр, сделал вывод из развивающихся сцен спектакля. Взял под свое крыло выброшенных на произвол судьбы три хозяйства со всей землей, объединил с комбинатом два свиноводческих комплекса, создал «агрохолдинг».

Кюмельямашцы, чиршкасмуратовцы благодарят сейчас. Они теперь сытые, наряды приличные, карманы не пустуют. Если впереди есть надежда, что же еще нужно крестьянину? Другие радости-успехи он сам налаживает. Объединение этих хозяйств и двух разорившихся свинокомплексов в одну агрофирму явилось новым шагом не только для них одних, но и для всей Чувашии.

И Анатолий Иванович, глядящий намного вперед руководитель, помог ему наладить это доходное дело. Кузьмину легче и хорошо работается, когда на территории района есть такие мыслящие по хозяйски и способные творить чудеса руководители нового типа. Многие вопросы решают совместно, основательно посоветовавшись, помогают друг другу. И глава районной администрации теперь чувствует свой непустой карман.

В беседе кабинета директора с министром Кошкиным и Кузьминым Николай Васильевич как раз это новшество держал на командном языке.

Симунов понял: будущее — в объединении другого масштаба, сосредоточении финансов, основных производственных мощностей, земли, рабочей силы предприятий переработки сельскохозяйственных продуктов и сельских кооперативных хозяйств. Лишь держась рука об руку, можно идти вперед. Значит, они выбрали верный прогрессивный путь, ведущий чувашское общество к светлому будущему. Он пока еще внутренне серьезно не почувствовал и не осмыслил, какой благородный поступок, геройский подвиг совершил, постоянно мудрствуя по-крестьянски. В былые времена за это ему непременно дали бы Героя соцтруда с золотой звездой и орденом Ленина. И нынче немало государственных наград в России. Если захочет президент, и у него вскоре на груди может засиять какой-нибудь орден за заслуги перед Отечеством.

7.

Насколько дольше живешь, настолько больше видишь на жизненном пути, настолько растешь умом-делами, мировоззрением. Надеясь только на себя, далеко не продвинешься вперед. Выйдя из границ собственной рамки, нужно окунуться в круговорот окружающей, мировой среды. Николай Алексеевич чувствует себя в этом круговороте. Потому что с тех пор, как надел на голову котелок руководителя, что только не видел, чему только не учился, а что видел — чему научился, всегда старался перевести самое хорошее, рациональное, прогрессивное — в полезное дело. Никогда не отступал, что думал, чего желал, всегда исполнял. И это путешествие должно пройти не без пользы.

Только устроившись в спальном вагоне, Симунов немножко успокоил себя. И сердце стало биться нормально, ровнее, телу стало легче. Ведь столько было событий за день. Познакомился с попутчиком по купе. Полнотельный, широкоплечий, успевший отпустить живот тридцатилетний «новый чуваш». Беседа с ним напоминает пользование русско-чувашским, чувашско-русским словарями. Предприниматель, торгующий электроникой, — Руслан Ефремович Купцов из Большого Сундыря. Живет в Чебоксарах. Симунов тоже познакомил с собой, сообщил о своей работе.

— Значит, здорово! — подал медвежью лапу Купцов. — Почти свой человек. Можно сервировать стол?

Попутчик по улыбке Николая Алексеевича понял, открыл большую сумку, на столик у окошка выставил спиртное и съестное.

— На работе трезвые, но и от жизни не отстаем, выпьем нашу славную чувашскую водку и закусим заморским раком — омаром, — важничал он, открывая консервную банку.

— Ха, вы почти поэт, — улыбнулся Симунов, доставая свою еду, — Талант.

— Не будешь лириком, и электронщиком не станешь. В игре мыслей куем ум, — стукнул по широкому лбу Купцов. — Чтобы мозг никогда не дремал.

— Ну мозги не дремлют и тогда, когда мы сами спим. — Сказал Симунов. — Только область сна не спит.

— А электронный мозг постоянно действует, — возбудился Купцов, — И никогда не дремлет.

— Только порой хромает, не так ли? К слову, в моем комбинатском мясном цехе закапризничала электроника и принесла убыток в миллион рублей. Не отечественная, немецкая, на замену прошло полгода.

Купцов в дорожные рюмки с позолоченной каймой налил Чебоксарскую водку «Акатуй» и поднял свою с кратким тостом: «Ну, со знакомством до дна!» К мерному звуку рельсов присоединился звон тонкого стекла.

— Да... и электроника не вечна. Бывает всякое. И к нам предьявляют рекламации. Но у меня контракт. Не я же мастерил эту вещь. Конечно, сложная работа. Но договор дороже денег, говорят. Отвечает фирма. Я всего только купец. Есть срок. Гарантия. И менять приходится. Для моей фирмы это не убыток. Недавно в Интернете выкопал выпуск по совсем новой, последней технологии. В мире пока нет таких аппаратов. Во! Чисто японская, и не южно-корейская, и не какая-та тайландская. В Чебоксарах будет сенсация! Сто миллионов вот здесь — стукнув по грудному карману, усмехнулся Купцов.

— Лично вам?

— А как же... На то — я купец. Чувашский предприниматель.

— Оя-яй-яй... Фу!.. — ставя рюмку, удивленно мотнул головой Симунов. — Это же полугодовой доход моего комбината. А моя годовая зарплата — двести тысяч, у рабочих — пятьдесят. По сравнению с вашей...

— Что нам сравнивать с Чувашией? Отсталый край — регион России. Вот, по стране средняя зарплата четыре с половиной в месяц. А в нашей хваленой цветущей Чувашии это сколько составляет? Тысяча пятьсот рублей.

По привычке, Симунов машинально подтянул штаны. Заметив это, Купцов рассмеялся:

— Штаны спускаются, да? Эх-хе-хе! Кумекаю. Знаю, каким подарком одарила вас команда Тимура. Отпустил цены исполняющий обязанности главы правительства России Гайдар и... пошло-поехало. Кто вниз бухнулся, кто вверх поскакал.

— Мы, трудом составляющие состояние, закладывающие национальный доход, покатались вниз, разорились, — Симунов от заторможения поезда вдруг откинулся назад.

— А мы — вышедшие на мировой рынок по купле-продаже, обеспечивающие народ чужестранным товаром по горло, поднимающиеся в гору как ухари-купцы, — поклонился вперед «новочуваш» и громко зашел: «Ехал из ярмарки ухарь-купец, ухарь-купец, молодой удалец...»

Во время остановки поезда они молча принялись за еду. Вот, держась, поезд тронулся, под ногами начался привычный стук колес.

— В шахматы не играете, Артур Ефремович? — подняв голову, спросил Симунов. — Я прихватил с собой.

Жующий вурнарский мясной балык Купцов отрицательно мотнул головой:

— Почему-то сейчас интереса нет, не зарядился душой, а там, на работе, остаюсь в кабинете один и включаю компьютер. В другое играю. Пусть Карпов с Каспаровым играют в шахматы. Если говорить честно, Николай Алексеевич, у нас в роду не было шахматистов. В тангу — в деньги играли. Вышли в гроссмейстеры. Купца первой гильдии Митрофана Купцова по всей Волге знали. От Иранской границы до Нижегородской ярмарки. Знаешь, с кем конкурировал мой прадед? С самим великим купцом Прокофием Ефремовичем Ефремовым! Честная конкуренция была у них. Не так, как сейчас разбойная, с разборками. Разумно действовали они. Никого по дурацки не обижали. Сын моего прадеда, дед Прохор, наследнику дал имя господина Ефрема. Мудрый купец был кумом прадеда. Вот она — так называемая родовая традиция. По кровной жилке течет — по наследству. Идет из поколения в поколение. И отец мой был торгашом. Хозяином районного потребительского общества — РАЙПО. Кормил-одевал чувашских вождей и их прислужников. Это райпо специально содержали для верхушки народа. Отец получал и отправлял самые дорогие, особенно в то время дефицитные импортные товары для работников обкома компартии, Совета министров, президиума Верховного Совета республики. Всем отпускал, но... не бесплатно. По продажной цене. Честность коммунистов была доверчива. И отец мой домой не таскал лишнего. Он тешил себя тем, что торговля идет успешно, план перевыполняется без излишних хлопот и в семье всегда достаток. В нашем роду никогда не было жуликов. Честные ком-

мерсанты. Не было времени сидеть за шахматной доской. И мне некогда впусую забивать голову.

— С шахматами голова отдыхает от всякой суеты. Мозги развиваются, призывают бороться и победить.

— Бороться? Я и без этого умею играть с фигурами, уважаемый Николай Алексеевич. Ай-яй, в моей голове и конь скачет, и офицер гарцует, и дама ухмыляется, и король на своем троне крепко сидит. А пешки трудятся.

Разговор прерывается при поднятии рюмок и, после закусывания, вновь входит в свое русло.

— Можно у вас спросить, Руслан Ефремович? — задал вопрос Симунов, вытирая жирные руки после солями деликатесной тонкой салфеткой. — Правда, неудобно...

— А что же такого? Что же вас интересует?

— А вы когда-нибудь работали на каком-либо производстве?

Купцов встал и стал ходить по купе взад и вперед.

Ох-х, работа... работа она... — облизнул губы предприниматель. — Значит, это в вашей крови. Обязательно нужно вкалывать на стройках-заводах-комбинатах разных, да?

— Да, каждый должен думать и желать, чем же он может приносить пользу обществу.

— Опять голова, мозги... Видимо, любите мозги скота.

— Мозги? Да, люблю. Очень питательная и полезная пища, — Симунов тут же вытащил из сумки сверток с жареными копчеными мозгами. — Пожалуйста, угощайтесь? Только язык не проглотите, а то скучно станет.

— Ах, какая вкуснятина, — разговаривая, продолжил закусывать после очередной рюмки, Купцов. — Впервые в жизни пробую, очень благодарен.

— Ешьте, ешьте на здоровье.

— Сейчас отвечу на ваш вопрос, Николай Алексеевич, в ходе рассказа о своей жизни. Да... ни на каком производстве мне не пришлось поработать. Со школы меня родители сразу отправили в Москву. Через мозговой центр Чебоксар. Устроили в МИЭТ. По другому, в Московский институт электронной техники. Было ничего. Физика и математика были мне по зубам. Но к выпускным наш Чувашский партийный мозговой центр бабахнули. А от предков... ни какой помощи. Долго не думая, заключил брак с дочкой проректора, профессора-кибернетика. Ну, она на десять лет старше меня... а щелка — одна и та же. А эта ведьма, слава богу, чуть ли не была королевой в одной фирме. С новорусскими познакомился на вечере при обмывке

диплома. Они сплавляют заграничную электронику по всей России. До работы ли, или до производства ли мысли, когда карманы просто так набиваются. Вот так и живем и торгуем. Однажды моя барышня-майра шепчет: «Скоро я стану «генеральшей». «Что, меня бросаешь, за генерала выходишь замуж, да?» — думая что это — очередная шутка, и я шучу. «Нет, ты меня не понял, я сама стану «генералом». Только дошло до меня, что она собирается стать королевой фирмы. На той же неделе пришел каюк генеральному директору нашей фирмы. Ему просто перерезали горло.

— И что же дальше? — икая, с трудом проглотил кусочек мозгов Симунов. — Ой-ой? Какой ужас...

— А что там дальше? Не прошло и года, как моя ведьма-королева-генеральша пропала без вести. Убрали с трона. Нашли сволочику на окраине Москвы в мусоре. Разрубили на куски и... Хоронили с почестью. Какой сволочи только не было там, на кладбище. Кто рыдал, кто в душе пел. Ох, и я обрадовался. От души. Как-будто снял с себя дурной ярлык. Стал холостым. Квартира. Четырехкомнатная. В престижном районе. Сами приобрели. Теперь моя. Детей у нас не было, она не могла рожать. Если нет бабы с ночлежкой — айда ко мне. Если есть, можешь и брать. Оставлю ключи. У меня другие планы. Баба министра, бывшая однокурсница, красотка, тайно приглашает в Комарово. На дачу. Надо воспользоваться моментом. Таким образом, ее любимый муженек помог открыть нам в Чебоксарах филиал фирмы. И в его широкие и глубокие карманы золотые проценты текут. О каком еще производстве может идти речь? У нас свое подсобное производство. Покупаем, продаем, богатеем. Работать, вкалывать и дурак умеет, а продавать... ум нужен, говорил дед.

— Не хотите ли вы считать нас дураками, Руслан Ефремович? — резко вскочил Симунов. — Мы...

Не ожидавший такой реакции Купцов развел руками:

— Пусть бог меня простит, Николай Алексеевич, не в ваш адрес. Не про вас. Чувашская присказка. С давних времен. Слово «дурак» тут нужно понимать в ином смысле. Сноровистый в труде может быть профаном в торговле... Так понятнее. Неужели ошибаюсь? По сути, вы сами тоже коммерсант, предприниматель, коль не умеете торговать — прогорите. Какой тогда вы гендиректор? Правильно говорю?

— Понимаю, — успокоился Симунов. — Трудиться можно по-разному, но в то же время нужно уметь, как работать. Нужно норовиться выгодно сбывать наработанное и получать большие прибыли. И мне это не дает покоя день и ночь. Бессонницей одолевает. Я

сейчас, если правильно судить, больше директора, предприниматель. Да, да. Но между нами, дорогой попутчик, есть одна особенность.

— Какая же? По моим ли мозгам?

— Она и вам известно, думаю. Мы — заработанным своим трудом кормим народ, содержим государство, поэтому живем бедно. А вы, покупая по низкой цене создаваемое другими и продавая его по дорожке, прокармливаете только себя, довольствуясь тем, что будто бы платите налог государству небольшую сумму, прикрывая основные доходы, сами всех обманываете, поэтому и богатеете.

И Купцов загорелся.

— И вам, и нам теперь предоставлена свобода, — кривя губы, выдал он. — А почему не доводите ваши прибыли до нашего уровня?

— Из-за таких, как вы, Артур Ефремович. Из-за ваших дорогих цен. Разбогатевшие присвоением народных государственных ресурсов негодяи, мировые богачи, так называемые олигархи, не подчиняясь даже Кремлю, постоянно повышают цены на нефть, электроэнергию и на другие товары, диктуют монопольными ценами правительство, поэтому придавленного к земле народа не можем поднять до вашего уровня. Из-за того, что рынок опережает производство, жизненный уровень россиян постоянно падает.

— Сейчас заграничные вещи намного дешевле. Зачем тогда нам лишние издержки?

— А как тогда поступить с народом, по-вашему? Откуда для них взять средства на приобретение приволоченных вами из-за рубежа товары? Чем их кормить, одевать?

Спор разгорелся. И Симунов раскупорил «Державную».

— Все-таки товары нашей страны ниже качеством, не пригодны, — сказал Купцов, опустошая рюмку.

— Что, Волжская вода плохой оказалась?

— Не-ет, не-ет! — поднял вверх указательный палец Купцов, — Наша водка первоклассная.

— Что, мои мясопродукты, шыртан, колбаса плохими оказались? — сказав это, Симунов вручил попутчику катыш ширтана в натуральной оболочке. — Это подарок от меня, угостите супруге министра.

— О-о, все мне понравилось, еще осталось попробовать брауншвейгскую колбасу, буженину и ветчину. Давай еще раз... — выпив, Купцов потянулся за новыми закусками. — О-о, как вы расщедрились. С ширтаном не стоило бы... Ну ладно, спасибо. Благодарен за подношение. Хлеб-соль... Как там дальше?

— Взаимны.

— Во, правильно. С меня... Вас нечего ругать. Первоклассные мастера. Готовите прекрасно. По возвращению в Чебоксары только ваши продукты буду покупать. Знаю теперь где находится Вурнарский «Санар». Магазин почти напротив памятника Чапаева. Я совсем другое имел ввиду. Насчет техники. Электронику, например. Совсем никудышная.

— Возможно, возможно. И свои надо усовершенствовать, довести до мирового уровня, а может, и переплюнуть. Чтобы товар с Российским клеймом был на первом месте. Куплю-продажу, правда, рынок, а качество-производство регулирует. Мы сами, вон, пользуясь немецкой, французской, итальянской, английской, японской техникой, получаем прибыль на мясокомбинате.

— Вот наконец-то нашли общий язык. Давайте, Николай Алексеевич, еще по одной рюмочке выпьем и полежим, погружаясь в раздумья. Завтра много работы. И у нас не по само-себе идет. За эти миллионы нам жестче вас необходимо сражаться с хитрыми лисьями и с жестокими волчьими повадками бизнесменами и выйти победителями. Все хотят обставить друг друга, опустошить чужие карманы и набить туго лишь свои, бездонные. Мы в борьбе за жизнь и смерть.

— Закон природы, — подтвердил Симунов. — Правилам закона следует строго подчиняться. Иначе...

— Иначе — нет жизни, — согласился Купцов. — Поэтому мы все продавцы-предприниматели.

Беседа так, постепенно заснула «новый чуваш» и прежний старый чуваш, обещали впредь помогать друг другу.

8.

Казанский вокзал прибывающих пассажиров захватывает в жерло Москвы. Выспавшиеся-невыспавшиеся пассажиры, кого встречают — в объятиях, кого нет — в шаг, попадают в людской поток. После бритья и прополоскания горла минеральной водой и Симунов с Купцовым нырнули в этот гудящий поток. С этого момента их пути разошлись.

Постоянно повторяемую по «Российскому настоящему радио» контору «Москва-Тур» Николай Алексеевич нашел без особого труда. Еще не забыты московские углы, где ему приходилось бывать. Немного времени потребовалось для обмена валюты по

подтверждающим бумагам. Один английский фунт-стерлинг приравнен к сорока двум нашим рублям. Отсюда уж виден уровень их жизни. За нашу бедность он даже стыдится в чужих странах.

До отправления туристической группы чем же заняться в городе? Ага, нужно посетить офис фирмы «Бирмингем». Побывал и проверил. Их вопрос к осени разрешится. Он посоветовался со здешними специалистами. Его твердо обнадеживают.

Когда Симунов один отправляется в заграницу, его всегда провожал кто-нибудь из министерства сельского хозяйства России. Сегодня почему-то он решил их не беспокоить. В знаменитом баре, расположенного в одном из подвалов Большого Арбата, попил пива и посолил раков и отправился на Малый Арбат, по привычке чуть было не зашел в знакомый дом, но вовремя опомнился, поймал такси и вернулся в дом туристов.

До сих пор ни разу не летал на американских самолетах. Как-только зашел в салон «Боинга-707» в лицо чуваша, сына Симуновых из Главополья, отпрыска Лексея Эскатри Мигулая повеяло каким-то незнакомым — чужестранной атмосферой. Была бы наша крылатая стальная птица... Ее тепло сохранилось бы до конца полета. Теперь вот влажный воздух далекой морской страны заставляет дышать по-другому.

Он уселся в мягкое кресло, застегнулся ремнем и стал ждать, что же будет дальше. А дальше произошло как обычно, они поднялись в небо. Оказывается, американская птица ничем особенным не отличается от российских птиц. И ихняя, и наша сконструированы по единым законам аэродинамики. Кого из летающих больше беспокоит полет, кого — меньше, мало кто из пассажиров задумывается об этом. Мозги человеческой головы одинаково сыпят на Землю золотые зерна своих знаний. Только при выходе на прямой полет почувствовал и пассажир Симунов незначительный крен. Намочив язык коньяком, предложенным красоткой-стюардессой, Симунов облегченно вздохнул, появилась приятное возбуждение в голове, не намереваясь провести время только под шумом мотора, он начал листать купленный в аэропорту эротический журнал. Что там написано по-английски, он не понимал, лишь любовался женскими обнаженными прелестями и разными приемами для удовлетворения земных страстей женщины и мужчины, вспоминая прошлые свои любовные игры в тайном царстве.

Через три с половиной часа стюардесса объявила: «Господа пассажиры, мы прилетели в столицу Королевства Великой Британии и Северной Ирландии Лондон...» Пли развороте самолета на посадку тело невольно содрогнулось, душа немножко заробела.

Когда ступил на трап, глаза ослепило яркое солнце. Вот как ты встречаешь чувашского сына, чудесная древняя страна туманных островов Альбионы — не густым морским туманом, а чистим небом, солнечным теплом.

Вышедшая встречать русских туристов женщина в годах, обогащая русский язык английскими добросердечными словами, пригласила в автобус. Слушая гида, Симунов поглядывает в окно, смотрит на мелькающие из-за быстрой езды деревья и дома. Пока местность напоминает ему Данию и Голландию. Лишь голос, рассказывающий вкратце об Англии, не такой, как в тех странах, чище, солнечней, тоньше. Почему же это так? Чувашский турист пока никак не сообразит. В голове у него совсем другое — скорее бы увидеть и оценить машину, очищающую и полоскающую кишки. Вспомнился сон, приснившийся перед выходом в путь, пока ехали от аэропорта Хитроу до Лондона.

А гид в защитных очках рассказывает безумолчно:

«Кроме Великой Британии и Северной Ирландии в Королевство входят земли Уэльса и Шотландии. Англию составляют крупные острова Великая Британия и Ирландия и пять тысяч мелких островов. Площадь ее — двести сорок четыре квадратных километра, население — около шестидесяти миллионов. В ее столице Лондоне живут более семи миллионов человек. В Англии и Уэльсе пятьдесят четыре графства, Шотландии девять областей и шесть островных административных территорий. Британские острова населяли пришедшие сюда в две тысяча пятистах-двухтысячных годах до нашей эры иберы. Столицу Англии основали римляне в сорок третьем году до нашей эры. Короли жили в замке Тауэр. Сейчас дворец королевы Елизаветы Второй в Букингеме. Мы как раз подъезжаем туда. Вы прибыли в счастливое время. Вскоре эскорт королевы должен отправиться на Даунинг-стрит, в резиденцию премьер-министра. Посмотрим».

Где мог слышать Симунов этот голос? Постоянно бывающий среди разных народов, он никак не догадывается об этом. Везде можно услышать одинаковый голос. Но все же этот голос отличается чем-то от других. К тому же кажется близким сердцу. Чистая русская речь. Чужой язык и другие народы могут изучать, иногда на чужом языке разговаривают чище материнского языка. И чувашки вон на русском языке вольнее чувствуют себя, чем на чувашском. И эта может быть какой-то русской барышней-майрой. Откуда различишь их, этих гидов?

Мигулай Симун из окна автобуса непрерывно глядит на квадратную площадь. Верховые полицейские теснят собравшуюся толпу к

стенам зданий. Вот, действительно, выехали всадники в старинных воинских нарядах. За ними выехала карета, запряженная в четыре пары лошадей. Сзади — опять всадники. «А вон — королева Елизавета!» — громко сообщила гид. Этот голос чуть ли не разорвал сердце Симунова, он схватился за грудь. Из-за того, что все сгрудились у окон, гида за ним не видно было, лишь голос ее звенит в ушах. Из открытой кареты королева машет платком в обе стороны, посылая приветы. И люди машут руками, что-то кричат. Рядом с королевой сидят не дочь Анна и сноха Диана, как во сне Симунова, а молодой человек в высокой шляпе и черном костюме, а сзади — два высоких чина. Миссис Диана теперь на том свете, она не подбежит к нему по ковру и не наденет на его шею венок цветов. И мисс Анна не соскочит со своего коня-аргамака, не пригласит его посоревноваться. В сторону Мигулая, стоящего по середине моста, натянутого из бычьих кишок... в его сторону... Когда свита королевы проехала мимо и туристы расселись по своим местам... а женщина-гид повернулась в их сторону... перед глазами Мигулая вместо мисс Анны появилась всадница, Крылатая Любовь — «Птичка-невеличка», подступила к нему все ближе и ближе, улыбнулась как утреннее солнце и защебетала как весенняя птичка:

— Привет, Николай Алексеевич! Со встречей!

Слушающие дальнейший рассказ гида об Англии сидящие рядом туристы, видимо, не обратили на это внимания и ничего не подумали. Мало ли людей в мире, знающие в наше время друг другу?

Пораженный тем, что приснившийся в Вурнарах сон превратился тут в явь, Симунов будто бы проглотил язык, не смог открыть рта, посмотрел прямо в непотухающие обжигающие глаза и лишь кивнул головой. Опомнился Николай Алексеевич только тогда, когда подъехали к предназначенному для туристов отелю «Темза», глядя на двухэтажную гостиницу, подумал: «Как бы получить одноместную комнату?»

Из автобуса он специально вышел последним. Попав в объятие стоящей у двери женщины, от смущения совсем растерялся.

— Вы ли это, Зина-Зиночка? — только и смог вымолвить турист, услышав и, обернувшись, заметив ржание водителя за рулем, затем глубоко вздохнул и тоже страстно обнял полное горячее тело. — Вот куда долетела моя трясогузка.

— Эх, Мигулай-Никулай, не сидится, а гуляется...

Надежда туриста не оправдалась. Номера тут только двух-трехспальные. Когда он оставил в номере вещи и вышел к ней, понимая его мысли, миссис Зианна Грин шепотом успокоила:

— Мистер Симунов, не горюйте в гостях.

В день прибытия их не стали утомлять. Показали Британский музей. Не налюбоваться на памятник девятнадцатого века в колоннадах, сооруженный на Грейт-Рассел-стрит. Это — первый государственный музей в Европе. Там собраны экспонаты об искусстве от зарождения человечества до цивилизованного творчества средних веков. Рисунки английского художника и графика У. Тернер, работы художников других стран Западной Европы доходили до сознания Симунова с трудом, туманно. «Если все понимать до конца, то необходимо очень много знать, не для нашей башки, для приличия можно посетить», — с таким выводом вышел Николай Алексеевич из напоминающего давно прошедшую жизнь темного мрачного здания.

После обеда отдохнули в парке Королевы. Воспользуясь этим, Мигулай Симунов и Зина Крылова в обнимку прогулялись по аллеям.

— Куда вы пропали, что проглотил вас? Земля ли? Вода ли?

— Ой, Мигулай-Никулай, простите, только не ругайте. Я еще не исчезла со света.

— Как оказались тут?

— Стыдно говорить, — будто смутилась Крылова. — Пожалуй-ста, простите меня. Сама не знаю, почему не захотела сообщить о своем местожительстве... Казалось тогда, что девичий пыл погас... Говорила же вам, что у нас с вами не сможет сложиться совместная счастливая семья...

— Бросив меня, нашли ли счастье?

— Счастье, счастье... Не слово ли лишь это? У кого оно есть, настоящее счастье? Как бы ни утверждали некоторые, что счастливы, но и у них, возможно, нет его — настоящего счастья. Любящий всем сердцем человек мучается, не в силах забыть другого, страдает за богатство души. Приобретший капитал становится рабом денег-золота. Счастье для меня это лишь поверхностное понятие. Кто проникал в душу той женщины, или того мужчины? Какие бури происходят в их душах? Птица счастья подобно вон той птице лишь над нами витает. Что, вы себя считаете таким уж счастливым? — женщина взглянула на мужчину из-под век.

— Вон как, значит, — беспричинно кашлянул Симунов. — По вашему, счастье это придуманное, абстрактное, неуловимое явление, да?

— Это лишь мечта. А вы скажите-ка, скажите, счастливы ли по-настоящему?

Резко остановившись, женщина настороженно посмотрела на мужчину, ожидая ответа. Мужчина невольно вздохнул, посмотрел в ее глаза.

— Счастье в человеке не вечно живет, — сказал он, почти не открывая рта. — Время от времени радует его. Первую мою встречу с вами, происходившее между нами впоследствии, наслаждение нашей любовью я считаю счастьем. В то же время, с потерей вас, нашел другую любовь-счастье. И супруга, и дочь с сыном — для меня счастье. И на работе я на сегодня счастлив. Завтра, возможно, если меня снимут с работы, останусь без счастья. Вот и пойми, счастье оно — временное явление, сегодня светит, а завтра — гаснет,

— И мне хочется утверждать, что я упустила из рук свою птицу счастья, — продолжая шагать вновь, взглянула на макушку дерева Зина Крылова. — Ах, и птичку можно заключить в клетку, и счастье... После Вурнар в Москве я несколько раз была счастливой. Не забыл, как мы в Чебоксарах искали моего отца?

— Разве забудутся эти дни? Что, случайно не нашли ли отца?

— Он сам нашел меня. Мама погибла. Ее машина сбила на улице, Я осталась одна. Подумывала прилететь к вам. Но судьба... причины изменились.

Симунов обнял женщину ниже пояса и поверх одежды почувствовал игру резинового обруча.

— Чай, другого барашка нашли?

— В молодые годы и это, наверное, не выходило из головы, но... Знаете ли, в скорбные дни после похорон матери в нашу квартиру ворвался этот Арслан Юманович Тюркский. С кем, думаете?

— С цыганами, наверное?

— Да. С цыганом. С моим любимым знаменитым артистом. С Николаем Сличенко. Они бывали, оказывается, у нас еще до моего рождения. Вот и привалило ко мне счастье. Подробнее узнала об отце. Знали бы вы, фамилия его Купцов. Тюркский — лишь псевдоним. Родом из бывших купцов. Через несколько дней явился со своим братишкой, говорит, что он — современный купец Ефрем. А тот приехал в Москву на съезд потребительского союза. Меня загрузили разными продуктами. Вместе пошли на цыганский концерт в театр «Кармен». Я узнала, что отец связался с цыганской артисткой. Он меня познакомил с ней. Она загадала мне судьбу с двойным счастьем... И сейчас перед глазами ее завораживающие глаза и утверждающий голос: «Ты родилась на свет дарить неповторимое счастье двум великим мужчинам, моя дорогуша...» Ой, как она предвидела. Ой, как сбываются мои мечты... Молодец Сличенко, не дал сгнить в омуте Бахуса моего отца, устроил его в свой театр. Ой, сколько жалел Тюркского. Отец же он мне. Один единственный

папа, хотя ни разу не пришлось назвать его папой. Встречу с ними я приняла за счастье.

Что галдевший от Вурнар до Москвы Руслан Купцов оказался родственником отца Зины, Симунов догадался, но не сказал об этом Крыловой, стал слушать ее дальше.

— В те дни счастье на счастье нашлось. В театре «Кармен» ко мне привязался один иностранец. Я же затем в училище перешла на очное отделение. Там научилась свободно говорить на английском языке. Поэтому этот настырный кавалер не показался мне слишком уж чужим. Эксперт английской компании в Москве мистер Джон Грин, заключив меня в клетку, привез на этот большой остров. Заставил изменить имя. Сказал, чтобы сочеталось в нем русское с английским. Дочь королевы Елизаветы Анну народ тут любит. Очень резвая всадница-спортсменка она. Ее имя и совокупил к моему имени Джон, и я стала Зианной, Зианной Грин. Вот я теперь счастье в его клетке. Сначала и я считала себя счастливой, особенно после рождения дочери. Но постепенно счастье начало покидать мою душу. Тоска, тревожные мысли куда-то увели счастье. Сегодня вы спустились с неба как Птица счастья. Я вновь счастлива. Счастлива! Счастлива!

Кружащуюся в танце пылкую женщину Симунов крепко взял за талию и закружился вместе с ней.

— Счастливая я! Счастливая я! Счастливая я! — припевая танцует когда-то любимая, впервые испытавшая блаженство в его объятиях русская женщина-красавица. — Мне хочется летать! Далеко, далеко! Вместе с вами!

Мы с тобой заходим в летний сад любви,
Друг на друга смотрим, яблоню обвив.
Плод любви протянем: я — тебе, ты — мне,
Разве мы забудем о счастливом дне?

— По радио передают вашу песню. Слушая, вспоминаю.

— И я слышала один раз по «Маяку». Напоминает Вурнары, Чебоксары. И сейчас там же работаете?

— Ой, десять лет прошло, как ушел оттуда. В Вурнарах я сейчас. На мясокомбинате. Генеральный директор.

— А почему генеральный, а не просто, как раньше, директор?

— Чувствуется, отстали вы чуточку от жизни российской...

— Да пишут тут про русских... сначала читала, а потом надоело глотать яд про свою страну. Ну, расскажите, генеральный, что вам действительно присвоили чин генерала?

Симунов громко рассмеялся и напугал сидевших над головой птичек, напоминающих синиц.

— Да нет, просто какой-то ажиотаж устроили с этими «генеральными». В одной дурной российской конторе стало много директоров, и самого главного назвали генеральным. Директор он всегда был директором, хоть мясокомбината, хоть Уралмашзавода, но его заместители... коль стесняешься носить должностное имя заместитель, то стань менеджером. А ведь менеджер и есть помощник, исполнитель дела директора. Дурачеством занимаются. Невежество. Люди привыкают. И я привык. Генеральной директор, как-то звучит гордо!

— Поздравляю, мой генерал! — так нежно обняла его давняя любовь. — Эх, сколько нам нужно переговорить...

Когда привезли туристов в гостиницу, миссис Зианна Грин пригласила мистера Мигулая Симуна в гости.

— На работу я езжу на легковой автомашине, — всполошилась женщина. — Сегодня хочется на другом транспорте покататься. Согласны? — Перебирающего ногами на одном месте в нерешительности стеснительного чувашского птенчика схватила ястребиной повадкой за локоть и с игривой улыбкой сказала: Мужа моего боитесь? Не будьте зайцем, как в России. Тут совсем другие обычаи. Тайны не прячут в глубоком дупле. Вот и подана карета, мистер Симунов.

К «Темзе» действительно подъехала лошадь, запряженная в старинную карету. На облучке восседал ямщик в высокой шляпе и нарядном одеянии.

— Кэбе называют англичане эту карету, — объяснила миссис Грин все еще не смывающего нерешительность с лица Симунову.

— В кино видел, как катались Пушкины. Похожа на русскую карету, — сказал мистер Симун и, раскрыв дверь кареты, помог миссис Зианну Грин сесть в нее, затем вскочил сам. Мигулай тут же оказался в горячих объятиях. Томимая любвеобильными чувствами женщина не переставала целовать своего чувашского парня вплоть до переезда через Темзу, прогремев колесами по мосту.

— Моя звезда. Мое счастье. Сегодня неожиданно... Я вас сегодня... Кто мог думать... Сегодня повезу вас в загород. И мы, как все богачи, на свежем воздухе. Аромат. У нас там свой дом. Ямщик предупрежден. Радоваться умеете хоть? Счастливы ли?

— Ага...

— Чтобы больше времени было для беседы, специально выбрала эту упряжную кибитку.

— Прекрасно. Как в деревне. Давно не ездил на таких колесах. Эти не трясут.

— А если попадутся тряские?..

— Чтож поделаешь, придется трястись, терпеть.

Зианна скрытно смеется над Мигулаем: «Эх, каким был наивным, таким остался, чувашский птенчик. С Джоном все же солидно появляться в обществе».

Чувашский птенчик в тот момент думал о русской майре-барышне: «Игривый ум не развился, ветреность не убавилась, хорошо, что бог не дал нам создать семью».

Некоторое время они ехали молча, под ржание лошади и стук колес думая каждый о своем. Язык женщины не выдержал, развязался первым.

— Лондон он не Москва, город куда интересней. Его окружают притоки Темзы. Чтобы крепче стоял, прикован он мостами. Много зданий готического стиля. Во время второй мировой войны Лондон тоже подвергся бомбежке. Гитлеровцами было разрушено немало старинных зданий. Высотные дома начали строить уже после сороковых годов. Умело сохранили и старые, не так как в Москве, где рушат подряд исторические памятники для какой-то престижной высотки. Сам, чай, видел, что город не небоскребный, как Нью-Йорк. Город имеет восемь спутников. За ними — зеленый лес, границы основного города. Вот и мы приехали до нашего Гринграда.

Мистер Симунов соскочил первым и помог слезть миссис Грин, держа ее левую руку. Хозяйка расплатилась с ямщиком. Мигулай посмотрел вслед кэба. В душе шевельнулось что-то недоброе, он вспомнил, как однажды завлек девушку в гостиницу «Чувашия». Зианна оглядела вокруг, и она внутренне боролась со стыдом. И ей вспомнилась гостиница и как она робко входила туда, а теперь вновь ее заполнили чувства, внутри стало жарко.

— Вот и, как там, человек с человеком...

— Нет, не так, гора с горой не сходятся...

Женщина радостно вспомнила:

— Человек с человеком встретится, встретится и... сольется. Вот и мы. И я вас, Мигулай-Никулай, наши встречи вспоминай, мечтала когда-нибудь привечать в своем шикарном дворце. Вот и наступило такое время. Пожалуйста, душа моя, заходите в наш Терем-теремок.

Завороженно взирает на широкий квадратный трехэтажный дом сын Главополья. Вокруг окон без наличников разрисованы солнечные лучи. Крыша из черепицы. Как зайдешь в высокие железные ворота, сразу же начинается сад. Под фонтаном — ослепительные цветы. Вокруг цветов обложены красные кирпичи.

Их прибытие в доме, видимо, заметили, из двери дома вышла опрятно одетая средних лет женщина и поклонилась гостю. Ее лепет

по-английски Мигулай Симун понял как «добро пожаловать». Желая казаться рыцарем, он пропустил Зианну вперед, сам зашел следом.

В гостиной с обилием цветов и стафужток ему предложили красные ворсистые тапочки. «Сама эта комната два раза больше нашей квартиры в Вурнарах», — подумалось ему. Затем зашли в более просторную комнату. Кругом одни живые цветы. Стены увешаны картинами, будто в картинной галерее.

— Муж мой неравнодушен к художественным шедеврам. В какой бы стране не бывает, обязательно привезет то картину, то статуэтку. В Испании встретил чувашского художника. Тот приехал туда посоревноваться с западными художниками, усовершенствовать свое мастерство.

— Кто же он?

— Говорит: Праски Витти.

— Праски Витти? — удивился Симунов. — Так он же родом из нашего района, прославивший чувашей молодец.

— Правда? А я и не знала, — хозяйка подвела гостя к окну, остановив у стены. — Вот, видите? Ваша и наша «Нарспи». Нарисована, сделана горячей эмалью. На Западе этот метод очень ценится. Муж говорит, что эмаль вечная, значит и картина вечная. Мой Джон невероятно был рад. Уж он сколько раз вдохновенно рассказывал об этом чудесном художнике. Правда здорово?

Это известие пуще взволновало Мигулая. Душа чувашская, имя чувашское, мощь чувашская, красота чувашская в такой далекой стране как ярко светит, как привлекает к себе и поднимает дух, подпитывает мысли, обнадеживает. Хочется от всего сердца обнять эту чувашскую красавицу...

— Ой, задушите. Не балуйте, не спешите... Ой, вспомнила. Как мы с вами в отеле «Чувашия» были в ролях Сетнера и Нарспи. Я храню тот наряд, подаренный вами, как вспомню вас, так тут же надеваю и красуюсь перед зеркалом, немножко отвожу душу. И муж, найдя этот шедевр, более украсил комнату, придал чувашскую атмосферу. Раздвигая ее границы, вы явились сюда Сетнером, вновь разжигая любовь. Ой, мне хочется быть сегодня Нарспи, хочется с вами — Сетнером сыграть свадьбу. Вот я сейчас надену тот наряд. Я сейчас, вы чуток подождите...

Ожидая убежавшую в другую комнату женщину, Симунов пристальнее взгляделся в Нарспи в намерении понять ее прелесть, но не смог до конца постичь секрета Праски Витти и решил по приезду домой пригласить его из Чебоксар с выставкой и подробнее расспросить самого художника. Он оторвал взгляд от художественной эма-

ли... И увидел, что к нему плывет словно лебедь красавица из чувашской деревни Сильби. К нему приближается Красота чувашская из далеких времен словно солнышко по утренней росе. Сетнер обнял ее и согрел душевным жаром.

— Я ведь красивая? Настоящая живая Нарспи? — шептали чистые губы. — Смыла помаду, даже запаха не оставила. Нарспи ведь не красилась?

— Ее губы, наверное, пахли луговыми цветами, зацветшими колосьями, медовым запахом липы.

— Испробуйте в таком случае, душа моя... я...

Мигулай страстно поцеловал цветущую перед глазами женщину, но не обнаружил на ее губах ту медовуху, которую испытывал четверть века назад, хотя тело и обдает жаром, края губ кислы, несмотря на то, что тщательно очищены от краски, на них не сохранилась весенняя свежесть. Мед их любви, видимо, стерла волна соленого моря. Она, Зина, осталась лишь в воспоминании, как образ Нарспи на рисунке Праски Витти. Красоту образа, конечно, можно продлить. И народная артистка Тамара Чумакова вплоть до выхода на пенсию в опере пела Нарспи. Зрители, глядя на нагримированную старуху, скучали по молодой Нарспи.

— Джон мой славный, хотя намного старше меня, но не Ивановский Тахтаман-злодей. Даже в Испании разыскал «Нарспи», обрадовал меня. Ему не нужны копии картин, ему подавай оригиналы. И для этого не жалеет денег. На этих четырех стенах нет ни одной копии. Они, по всей вероятности, дороже меня. «Женщину найти легче, чем оригинал искусства», — шутит он надо мной. Нить нашей любви не он оборвал, а нагайка Тахтамана жизни.

— Понимаю. Я не ревную. А где он сейчас? Наверное, скоро появится?

В ответ Зианна рассмеялась:

— Эх, заяц, испугавшийся волка за три моря. Пока мой муж преодолет пролив Ла-Манш и очутится дома, бесплодная женщина разродится. На Украине он. Звонил, что попутно заедет во Францию. В Парижском Лувре открывается выставка Питера Рубенса. На аукционе картин что-нибудь-то мечтает приобрести.

— А чем занимается ваш муж?

— Металлом занимается. Сказала же, что в Москве он был экспертом. Инженер. Постоянно что-то изобретает. Копошится-копошится в своей фирме и отправляется куда-либо в заграницу. «Так ты переплюнешь Джеймса Уайтта из Шотландии. У нас в России ты бы давно стал доктором технических наук, если хочешь прославиться,

давай поедем в Москву, деньги мешочками, что тебя тут держит?» А он обижается, тем не менее улыбается. «Да ну тебя, — говорит, — у вас там за замену даже одного болта с места на место присваивают ученую степень, и хвалятся, что они кандидаты наук, недоспелые ученые, видел я таких недотеп. Мне не слава нужна, а вдохновенный труд. Уайтга не поминай, он мог перевернуть мир».

— И я механик, — правой рукой рубанул Мигулай Симун, — поэтому на стороне вашего мужа. Уайтг действительно гений. Еще в 1774 году испытал паровой двигатель. Мощность двигателя сравнивал лошадиной силой. Ватт в электричестве тоже его изобретение.

— Эх, вы, мужики, это отлично знаете. Скажите-ка, а любовь кто изобрел, и можно ли измерить ее мощность лошадиной силой или ваттом? Объясните-ка мне, Мигулай-Никулай, ты сегодня мой герой, чем сравнимы? Я, Нарспи, жду, жду, когда обнимет Сетнер?

— Потихе, там ходит та женщина...

— Она домоправительница. Нам не помещает. Хоть свадьбу сыграй. Хоть пыхти как паровая машина Уайтга, хоть покатай меня на первом в мире паровозе другого англичанина Стефансона. Я люблю покататься. Хорошо, пока машина набирает пара, я зажгу камин. Ай, что-то сыровато, холодновато.

Комната не заставлена, как у нас, шифоньерами, стенками, шкафами, не висят и ковры. Во множестве выемках в стенах квадратной и полукруглой формах стоят всевозможные статуэтки и вазы позолоченными-серебрянными краями. На висящей подкове детские изобретения силуэтов лягушек. На квадратных табуретках стоят большие вазы. А сколько серебряных изделий и драгоценных камней. Не закрывают под замок, как у нас, все на виду для гостей и посетителей. Чувствуется во всем открытость души и раскованность. На подоконниках и специальных полках разно-цветные посуды. Это для отражения солнечных лучей.

Хозяйка посадила гостя рядом с собой на широкую некрашенную скамейку. В камине горит огонь. В душах полыхает пламя. Разумеется, у обоих. Глядя друг другу в глаза, о чем-то тайно говорят. Над камином на всю стену красуется рисунок, притягивая к себе.

— Не замечаете, что вышивка не одинакова? — ткнула пальцем в подбородок Мигулая Зианна, разглядывающего вышивку.

Кавалер в ответ поцеловал ее.

— Спасибо, — ответила она поцелуем. — По местным обычаям, каждый должен вышивать ее. Вон, сверху — Джона. Как бисером прошел. Ниже — моя. Ведь далеко до его вышивки, мастерством он владеет в совершенстве. В середине — Виктории. У нас

же есть дочка. Балерина. Муж ее режиссер. В плане туристов есть и посещение театра. Как раз просмотр в их театре «Ромео и Джульетта». Там наша Виктория исполняет партию Джульетты.

Симунов припомнил историю Англии и легко вступил в разговор.

— Одна из королей Англии, кажется, была Викторией? Ее именем, вероятно, назвали дочь?

Лицо женщины вдруг преобразилось, и она сердито отчеканила:

— Да. Вы правы. Была такая. Я хотела назвать Елизаветой. Помня маму и нынешнюю королеву. Эта Елизавета Вторая рождения двадцать шестого года, королева из рода Виндзоров, дочь короля Герцога Шестого. Муж ни за что не согласился с моим предложением. Несмотря на то, что здесь страна королевы, а решительное слово все же за мужчиной. Королева только поддерживает традицию, а решения принимает премьер-министр. Это — политика, давайте не вдаваться в ее дебри, кто бы ни правил государством, для нас безразлично. Слушайте дальше про королей.

— Давайте, рассказывайте, я слушаю.

Зианна толкнула березовые полена поглубже в камин, отчего вспыхнули искры, она прислонилась на грудь мужчины и, как школьница, объяснила:

— Последняя королева из рода Гэнноверов Виктория села на трон в 1837 году. В годы ее правления Великая Британия как раз процветала и подчиняла многие страны в мире. Считалась великой империей мира. «Век Виктории» глубоко засел в крови англичан. Ее до сих пор крепко почитают, даже больше, чем нынешнюю королеву.

— Виктория, кажется, богиня победы в древнегреческой мифологии?

— Да, это так. И тут победило имя — дочь называли Викторией. Вырастив, выдали замуж за мистера Георга Скотт. Они в десять раз богаче нас. По отцу приходятся родственниками короля по одному колену. Поэтому называли Георгом. Вот у нас два короля. Зять — король Георг, Виктория — королева. И мне приятно. Ха-ха. Вон они, рядом с нашими портретами. Ведь красиво?

— Славный зять с невестой. Да еще сколько там открыток, — показал Мигулай на доску с приклеенными портретами. — Погляжу-ка поближе.

— У англичан есть обычай выставлять фотографии. Смотрите, может, обнаружите знакомых. Я сейчас распоряжусь, чтобы Луиза приготовила попить и поесть.

Свое общение с миром не скрывают англичане, это удивило Симунова. Это у нас все хранится в тайне. Раскрываешь душу лишь ближнему человеку. У них совсем по-другому.

Вот, Зина Крылова сидит рядом с каким-то мужчиной, похожим на артиста, который на фотокарточке соседствует с Николаем Сличенко. Волосы длинные, как у женщины. Это ее отец, которое можно понять без слов. Зина-Зианна вся в отца. Мгновенно она и сама появилась, беспокойно заговорила:

— Он и есть мой отец, беглец безбожный. Когда в трудные года я жила с матерью, он избегал нас. Мама моя, чтобы быть сытными, меня насильно выдала замуж. Мне очень хотелось стать артисткой. Закончила учебу, попробовала поработать, проверила себя на эстраде... Если бы не встретился мне этот мистер Джон Грин...

— Может, могла бы стать народной артисткой?

— Еще чего. Не по нашим задаткам. В Москве знаменитых артистов хоть пруд пруди. Артист на артисте. Сколько актеров получают звания незаслуженно. И не стыдно. У самих нет ни достойной роли, ни голоса соответствующего, а груди увешаны медалями и орденами, знаками различных лауреатов.

— Видимо, сами расплываются перед режиссерами и директорами?

— И не говори об этом. Я знаю, чья ягодица виляет перед глазами и чьи ноги раздвигаются шире... Это лишь надуманная слава. Я и здесь попробовала поработать. Не слишком владела языком. Джон заставил оставить театр. С одним знакомым режиссером попробовали было поставить «Нарспи». Не получилось. Оказывается, не всегда и не везде распространяется «Нарспи», как всемирно известные произведения Шекспира. И уровень, и замысел, и притяжение должны быть такими, чтобы потрясти мир. Конечно, для чувашей, для вас, разумеется, и для нас, она классика. Тем не менее, классика маленького народа — не мировая классика. Хоть и обижайтесь, но скажу прямо, на земле Башкирии, где живут издавна чувашаи, да и на всей чувашской земле, Нарспи неповторимая красота нации, но в этой древней стране, в ином цивилизованном мире, она так и не расцвела. О Чувашии тут знают, наверное, несколько человек. Ученые, писатели, люди искусства, или специалисты по этой линии. А так, и богатые, и простые люди знают только о России, и то — туманно, как туман над Лондоном. А простые люди время проводят на работе, у них, как там у нас, нет времени на отдых. Это мы... Хорошо, что Джон нашел на чем проводить время. Ой, хватит болтать. Мигулай-Никулай, про еду не забывай, пища стынет...

Увидев другую карточку, Симунов не стал слушать ее.

— Подождите-ка, подождите, я не голоден, ой-ой-ой... Кого я вижу?!

На фото с правой стороны напротив него сидят и молодо улыбаются Людмила Сергеевна Пивень, Нина Романовна Козлова, Валентина Александровна Павлова, Зинаида Львовна Крылова.

— Вот эти фотокарточки успокаивают мою душу. А теперь поспешим в столовую-бар. Мисс Луиза, наверное, устала нас ждать. У нас принято подчиняться правилам, не как в беспорядочной России.

Дальнейшее открылось за трапезой.

— Павлова в Чебоксарах, на пенсии. Козлова похожа на молодуху. В забойном же цехе. Недавно справили пятидесяти пятилетний юбилей. Пусть еще поработает. А Пивень... генеральша мяскокомбината.

— Что, вместо себя оставили?

— Ага. Я ей доверяю. Вот они остались, с которыми вы вместе работали. Самые проворные— самые терпеливые.

— Еще что осталось там, в Вурнарах? — обняла мужчину за шею Зианна. — Что еще осталось для притяжения души?

— Яблоня, посаженная вдвоем... — он нежно зажал зубами палец, оказавшийся во рту, прислушался к биению сердца через груди на затылке. — С божьей помощью выросшая, цветущая и дающая плоды яблоня.

— Не засохла, значит? И яблоки бывают? Во сне она приснилась, будто какая-то незнакомая женщина вырвала ее с корнем.

— Жива наша яблоня. И яблоки на ней спеют. И меня омолаживает.

— Ой, и сейчас на моих глазах стоит она. А знаешь, чтобы помнить вас, я посадила в своем саду яблоню. Выйдем поглядим.

Растущее недалеко от дома незнакомое дерево колыхнулось под ветром.

— Какие сладкие яблоки, Мигулай-Никулай, аж прямо во рту тают, душу успокаивают. Муж не знает ее секрета, — с этими словами Зианна сорвала два яблока, одно сунула ему в рот, а второе сама начала есть.

— Кислое, еще не поспело... — скривил рот Мигулай.

— Кислое! — поцеловала его Зианна. — Спелое. У нас с вами сегодня «Горько!!!» Сладостный праздник.

Наслушавшись в саду птичьего пения и искупавшись в пруду, они поднялись на второй этаж. Здесь спальня комнаты. Дверь одной комнаты раскрыта настежь. Мигулай Симун по предложенному миссис Великой Британии ковру ступил в комнату и в середине ее

остановился на тигровой шкуре. Тигрица тихонько закрыла дверь. Попавший в клетку мужчина потерял голову.

9.

Дни туристов проходят по намеченной программе. Мигулай Симун уже больше недели живет по английскому обычаю в Гринграде. Привык к тамошней пище. Разница от нашей небольшая. Ту же пищу готовят по-своему. Чуваши привык набить живот картошкой и пахтой. Пьет без толку. У них, как и в других странах Европы, высока культура еды и пиршества. Разумеется, она не дает человеку наглеть, помогает вести мирную беседу. И почувствуешь себя человеком. И трудовые успехи налаживаются по тому же обычаю. Не сравнишь их сдержанность с русским или чувашским похмельем. Поэтому мы не сможем сравняться с их культурой и товаром, которым невольно пользуемся.

Зианна Грин быстро разыскала фирму «Бирмингем». Ничего не скажешь, техника связи высока. В момент свяжут с кем угодно.

Чтобы решить вопрос Симунова, Зианна на один день сменилась с другим гидом.

— Сегодня мы завершаем мир блаженства. Закрывается райский сад, — тоскливо сообщила будто заново родившаяся женщина.

— А почему? — удивился помолодевший мужчина.

— А потому... Пока я свободна. Посетим вашу фирму в соседнем пригородном городе Бирмингеме, а вечером ходим в театр... Завтра... завтра приезжает мой мистер. Господин возвращается из длительного путешествия.

На ровной как стеклышко дороге не чувствуется никакой тряски. Скорость большая. Сразу заметно, что Зианна научилась искусно управлять машиной. Замашки как у классного шофера. Мигулаю показалось непривычным сидеть с левой стороны от нее. Ведь руль автомобиля с правой стороны. До обеда вернулись обратно.

Российского инженера-бизнесмена на заводе приняли радушно, ему показали цеха. Потрогав все своими руками, он успокоился. На гостиный стол он выложил колобки ширтана и поставил бутылку водки «Чебоксарская». Англичане угостили ромом и живыми устрицами.

— Почему они так приветливо приняли нас? — спросил Мигулай на обратном пути.

— Удивляетесь? В чужой стране без всякой проверки, без официального лица очутились на заводе, да, дорогой турист?

— Ага.

— Мой муж трудится там. Мистер Грин — в совете директоров, один из хозяев фирмы. Не зная вас, как он помог вам? А вы что творите тут тайно?

— И я помогаю ему. Спасая его прекрасную майру-барышню от природной скуки. Думаю, вдруг от невыносимой скуки умрете, тогда член совета директоров фирмы «Бирмингем» может отдать душу богу.

— Ладно уж, смейтесь.

— Чуваши говорят, кто смеется, тому к заду пристанет.

— Ай-яй, пусть бог простит за грехи земные. Коль у вас так, то и у меня то же самое. Пусть ничего плохого не пристанет, только все новая и новая обнова... Поэтому купим новый костюм.

— Мигулай пощупал карманы:

— После приобретения подарков для матери и жены, для детей и знакомых фунтики-стерлинги... И секретарь останется недовольной...

Зианна вытянула губы.

— Вы что, ревнуете к моей Марише? Беда с вами, женщинами. До сих пор жена не ревновала...

— Женская душа у всех одинаковая. Раз целованные мужские губы никому не хочется уступить. Никому!..

— Ай-яй, беда с вами...

— Хорошо, хлеб и соль взаимны.

Они зашли в огромный магазин.

— Помните, как мы были во дворце королей?

— На Сити-мити? В соборе Святого Павла, королевском замке Тауэр.

— Да. В соборе Святого Павла внутренне я обвенчалась с вами. Вы это не почувствовали и не поняли, видимо. У бога попросила прощения. Муж мой протестант. А мы с вами оба христиане. Под одним крестом.

— Мне все равно. Я не против. Значит, вы хотели меня женить в цивилизованном мире. Согрешили перед двумя верой.

— Пусть. Все грехи не вымолишь. Не время инквизиции. За нашу любовь и королева Елизавета не сможет заключить нас и приковать цепью в холодном и темном подвале замка Тауэра. Воспользуемся божьим даром. Не откажетесь от моего подарка?

— До сих пор не отказывался от ваших подарков...

— Вот вы становитесь настоящим джентльменом. Молодцы. Вот, слушайте. Сити это — муравейник занятых людей, клерков. Вы, ра-

зумеется, не конторский служащий, генеральный директор, большой начальник. Но ваша одежда ничем не отличается от американской, германской, французской. А клерки в Сити до сих пор носят полосатые узкие брюки, черный пиджак, белую рубашку с высоким воротником, шляпу-котелок, а в руке — длинный черный зонт, и деловито крутятся. Вот мне хочется видеть вас в таком наряде.

В зеркале Мигулай сам себя не узнал.

— Вот теперь вы настоящий мистер Симунов, джентльмен, сэр, господин.

— Спасибо, миссис Зианна Грин. Не знаю, как отблагодарить.

— Я знаю, чувствую.

— Понятно.

Зианна для уважаемой ею Пивень купила прекрасную шерстяную кофту. Не забыла и Козлову.

В последние дни они встречались только в группе туристов. Зианна итак была в женском отпуске. Никто не удивлялся Симуновым и не смеялся над ним. Лишь москвич, живший с ним в одной комнате, однажды спросил:

— Знакомую встретили?

— Ага. В Москве во время учебы познакомились, — соврал Симунов. — В Лондоне вышла замуж.

— Эх-хех, теперь и в Тринидад Тобаго в любой забегаловке можно встретить русскую шлюху. Мир удивили они.

— Эта не такая, приличная...

— Приличная? Как только сняла очки, я сразу догадался, какая она птичка. Старая сучка. Если приличная, не станет же при живом муже забирать вас. Спасибо, что оставили меня одного в номере. И мне было укромно. Вместе прилетела, оказывается, тулячка. Та, которая была шустрой в танцах. После спектакля у Джульетты попросила разрешения потанцевать с Ромео. Балерина попалась мне, жаловалась, что в Москве не дают ей роль Джульетты. Говорю ей: «Оставься тут дублером, и будешь танцевать, когда Виктория Скотт будет отдыхать или заболит». Она отвечает: «Кому я тут в Лондоне нужна, если в Москве никому не нужна?» «Мне нужна», — говорю. Она смеется и кружится по комнате.

— Виктория Скотт дочь нашего гида.

— Может быть. Теперь все перемешалось в мире...

Мир. Между пятидесятью и шестидесятью параллелями северной широты земного шара вволю погулял Главопольский чувашский муж. Вскоре с аэропорта Хитроу близ Лондона поднялся лайнер русской авиакомпании и направился в сторону дома. Впереди...

Впереди — Россия. Впереди Чувашия. Впереди — Валя. Впереди — снова работа.

10.

Кроме повседневного течения жизни, на работе ничего существенного не изменилось. Людмила Семеновна как сначала вела работу, так и идет. Лишь накопилось много вопросов, которые только он может решать. Пивень не сможет их решать. Без подписи самого «генерала» ни одна важная официальная бумага не двинется с места. Среди бумаг Симунов обнаружил долгожданную весточку из Москвы. Учитывая их запрос и перевод денег, фирма «Бирмингем» в ближайшее время обещает доставить оборудование в Вурнары. Вот как ветер экономики. Выйди на станцию и лови его. Вскоре — не часотка. Ее на голове постоянно не почешешь. Повседневная работа — как бурлящий водопад. Не только о жене, но и о ласках любовницы забудешь. Иногда голова набухает, будто набита мякиной. Хорошо, что иногда устраиваются вечера встречи, придуманные кем-то именины, концерты «певцов-звезд», которые смывают мякину из головы, выветривают мозги. Лишь пульс жизни постоянно бьет ключом, никому не подчиняясь, и увлекает всех куда-то вперед.

В один из таких занятых дней на станцию Вурнары прибыл адресный груз. Только привезли Бирмингемское оборудование на комбинат, Симунову пришлось отправиться на станцию. Он на перроне встретил гостя из Москвы. Чтобы разговаривать с представителем заморской фирмы, Николай Алексеевич договорился с учителем английского языка из средней школы. Но гость заговорил на чисто русском языке.

Сухощавый стройный мужчина лет пятидесяти с продолговатым лицом и короткой бородкой. Англичанин мистер Джон Грин. Симунова он назвал господином.

Мы, как обычно, плохо запоминаем заграничные имена, поэтому часто теряемся. Учитывая это, переводчик записал имя гостя на бумаге и подал ее директору Симунову.

Начальник цеха Николай Андреев нашел место для новой техники. Инженер-механик и слесаря начали устанавливать оборудование. Англичанин им помогает, строго следит за работой. Временами и директор в нетерпении заходит туда.

Мывшие до сих пор вручную кишки женщины, увидев работу автомата, расплакались.

— Теперь вы нас уволите, Николай Алексеевич?

Николай Алексеевич со смехом успокоил их:

— Да, действительно, я сниму вас с этой грязной работы. Давно ожидал этого. Но Андреев вас никуда не отпустит. Кроме вас некому работать на машине и перебирать помытые кишки. Так что не гонюйте.

Время договора гостя подходит к концу. Однажды утром Джон Грин зашел в кабинет директора,

— Господин Симунов, вас приглашаю в гости, — сказал он.

С трудом оторвавшись от работы, в гостиницу «Дружба» успел в назначенное время всегда занятый хозяин мясокомбината. Открыл дверь номера и... ему улыбнулась Вурнарская молодая Зина Крылова, задорно сверкнув глазами и чуть кривя губы влево, в ушах щебетал птичий голос: «Мигулай-Никулай, меня лихом не поминай»...

— О-о-о, настоящий бизнесмен, господин Симунов! — от души обнял его мистер Джон Грин. — Если коммерсант теряет минуту, потеряет свою жизнь. Так говорят англичане. Рад, рад, очень рад встретить вас. Сейчас...

В это время официантка ресторана принесла на подносе два жареных поросенка и...

«Это готовили наши», — подумал директор.

По мере беседы раскрылась душа Джона Грина.

— Русских девушек я полюбил в Москве. Слишком уж развязанные. Из-за одного фунта готовы были сто раз обнимать.

— Что, что?

— Окей, ха-ха! — рассмеялся Грин на всю комнату. — Вот эта дура после ресторана в гостинице «Националь» стала моей женой, — сигарой указал на стоящую на тумбочке увеличенную фотографию хозяин комнаты. — Где только ни бывал, такую не встречал. Во, женщина! Проглотит. В то время я познакомился с цыганом Сличенко. Они нашли мне эту красотку. Увез ее к себе в Англию. Живем вместе. Ой, прекрасная женщина. Всю дорожную пыль после возвращения из путешествий смоем морской водой. Надежная женщина. На слезку за ней специально привел родственницу Луизу. Доверяю. Смотрите-ка, как ждут меня эти глаза?.. А губы...

Разгоряченный немножко Симунов, слушая, какими словами поносит ночной козел англичанин его Крылатую Любовь, и кулаки сжимает, но зная, что его ожидает за нарушение дипломатических отношений, сдерживает себя, чтобы самому впоследствии не получить тумаков от своих же.

— О-о, вы не знаете, господин Симунов, меня Зианна научила русскому языку. А вон лежат томики Достоевского, тут приобрел. Все прочитал. Всемирный мыслитель-фанатик. Ваш один классик, кажется, Евтушенко, помнится, говорил, что кто не читал «Идиота» Достоевского — получеловек. Читали, наверное?

— Ага, — буркнул Симунов, сопровождая кивком головы, и чтобы англичанин не разглагольствовался о романе, потому что он не читал его, некогда было заниматься классикой, и чтобы не казаться получеловеком, быстро встал и взял в руки позолоченную раму. — Действительно, незабываемый образ. Самой природой нарисована. Богом данное счастье.

— Да, Зианна у меня королева...

— Мне... Мне захотелось через вас, мистер Грин, передать ей сердечный привет от Чувашии, от России. Для нее пусть это будет подарком, вышитые для дома вещи. — С этими словами Симунов подал ему красивую коробку, на самого господина надел вышитую льняную рубашку, пожал руку: — От моего имени поцелуйте миссис Зианну Грин.

Посадив английского гостя на московский поезд, Мигулай Симун с вокзала пошел пешком. Вот он идет по тротуару легкой походкой в мягких кожаных туфлях, полосатых узких брюках, черном пиджаке, белой рубашке с высоким воротником, на голове — шляпа-котелок, а в левой руке — длинный черный зонт. Какой джентльмен появился в Вурнарах, думают, наверное, незнакомые прохожие, глядя на него, останавливаясь.

Не разговаривая с ожидавшими его на комбинате, прошел в сад. Двухствольная яблоня встретила его созревшими сочными плодами. Он лег на скамейку спиной и задумался. Нет, не о работе, а о каком-то чуде. Кто же там на вокзале крутит песню Зины Крыловой?

Мы с тобой заходим в летний сад любви,
Друг на друга смотрим, яблоню обвив.
Плод любви протянем: я — тебе, ты — мне,
Разве мы забудем о счастливом дне?

Над головой — зрелые яблоки. Анис весь красный. Сорви да ешь... Закрыв глаза, он очутился в Лондоне. Забежал в сад Гринов, полный плодов, ягод и цветов, обнял яблоню, посаженную Зианной в честь него, и стал ждать, когда же откроется дверь квадратного трехэтажного дома... В это время упавшее сверху яблоко больно ударило по носу, он открыл глаза и достал закатившееся за пазуху яблоко,

потер им по груди. «Я не английский Ньютон, но для себя открыл одну истину: «Любовь — в притяжении!» — С этой думой он резко вскочил на ноги.

К яблоне прибежала запыхавшаяся секретарша.

— Николай Алексеевич, из Саранска ваш товарищ просил сообщить. Он летит отдыхать на Канарские острова. Если есть желание... Он опять берет с собой мою ровесницу Алису.

«На Канары отдыхать-удовлетворять... Ах, как звучны эти слова... Лучше не забывать ни о семье, ни о работе, ко всем чертям эти Канары...» — разговаривая сам с собой, генеральный директор не спеша зашагал в сторону конторы.

Засунутый в нагрудный карман анис согрел душу.

30-31 января 2001 —

1-6 февраля 2002 гг.

Чебоксары.

ЭПИЛОГ

Прошел год, как проводила Зианна Грин своего любимого чувашского кавалера на Родину, Тогда, после взлета лайнера в небо, ей захотелось обрести сказочные крылья и первой оказаться в аэропорту Шереметьево, и прямо с трапа самолета принять в горячие объятия Мигулая Симуна и... отправиться с ним в московскую квартиру мужа для продления с любовником райской земной жизни. А вернулась она с аэропорта Хитроу в гринградский особняк мужа расстроенной, ослабленной. Мистера Джона Грина не было. Он с утра уехал по своим служебным делам на фирму «Биттерлинг». Прямо направилась в сад и обняла яблоню Мигулая, долго стояла, рыдала, вспоминая прошлое и настоящее. Но прошлое и настоящее уже все позади, как в сонном бреду.

У недавно окрыленной молодой женщины опустились руки, затуманилась голова, ей ничего не хотелось делать. Связалась с турфирмой и попросила продлить отпуск на неделю для снятия стрессового состояния.

И дальнейшие поездки не смогли успокоить волны бурлящего моря пылкости. Как будто сама судьба везде приготовила ей пищу духовного страдания. Находясь с мужем в Канаде, они оказались в гостях у российских эмигрантов. Чтобы удивить иностранцев, Зианна всегда с собой берет чувашский национальный костюм — подарок Мигулая Симунова. Муж этому не противится. Эта экзотическая модная форма ему и самому очень нравится. Вот и на этот раз миссис Грин на торжественный вечер явилась как чувашская мадонна Нарспи. Хотя дамы щеголяли своими удивительными модными нарядами разных народов, гостя из страны туманных островов Альбионы сверкала среди них с наибольшей притягательной привлекательностью. Джон Грин от души радовался успехом своей цветущей красавицы.

В зале, как на фестивале языков, стоял гомон английских, немецких, французских, русских, украинских, кавказских наречий.. Встречи, воспоминания, удары по рукам... Супруги Грин, еле-еле сумев отвязаться от навязчивых армян, начали рассматривать знаменитую картину Рафаэля «Сикстинская мадонна». В это время к ним, шаркая башмаками, подошел преклонного возраста мужчина во фраке, с серебристой шевелюрой, в огромных очках, с легкой улыбкой на морщинистом лице и так странно поприветствовал:

— Салам чăваш Пикине, чăваш каччине! Мёнле пурăнатăр?

Мгновенно опомнившись от неожиданной встречи с незнакомцем, миссис Грин ответила тоже по-чувашски:

— Салам! Аван.

Сообразительный Джон Грин добавил:

— Салам, юлташ! Привет, дорогой! Хэлоу! Аван живем.

Разговор перешел на англо-русский лад. На двух известных языках все смогли общаться друг с другом отлично. Познакомились. Иван Антонов из чувашского села поведал историю скитаний по миру, как он во время войны не по своей воле оказался в чужбине, попал в Канаду и навсегда остался на незнакомой земле Северной Америки.

— Увидев издалека родные орнаменты на вашем платье, миссис Грин... Ой! Ох! — как бравый кавалер вытянулся перед дамой седой старина, — вспомнил мать из далекой Чувашии и национальную героиню нашего поэта-классика Константина Иванова. Вы, Зианна, передо мной как во сне, всплыли в образе сильбийской Нарспи. Интересно, а как и где вы приобрели этот чудный набор одежды. Неужто в Лондоне?

И Зианне Грин пришлось рассказать о том, как она работала в Вурнарах и в поисках отца, знаменитого артиста-певца Арслана Юмановича Купцова-Тюркского, ей побывать в Чебоксарах и в магазине обзавестись нарядом чувашской одежды, мысленно вообразив о таинственной незабываемой встрече в гостинице «Чувашия» со своим бирюком Мигулаем.

Джон Грин на ломаном русском похвастался о том, как москвичка Зина по иронии судьбы, оказалась в Лондоне и стала королевой Гринградского царства. И он, чуть улыбнувшись, сказав по-английски ай бэг ё паадн, вступил в полемику с французским бизнесменом и оставил их одних.

И старика, и молодуху как бы приподняла Волга на своих тихих волнах и покатила по течению жизни, куда-то вдаль. Господин Антонов вспомнил молодость.

— О-о, вы, миссис Грин для меня сегодня, как солнце наше чувашское засияли передо мной. А ведь до войны я учился в Чебоксарском театральном училище с вашим отцом. Арслан был нашим заводилой, не давал нам в большой комнате общежития ни спокойно жить, ни спать. Сам все время пел и нас заставлял петь. А когда, лет десять тому назад, вернувшись после сорокового года в родимый край, среди оставшихся однокашников я не встретил многих, в том числе и Арслана. Наш летописец, музыковед Юрий Илюхин огорчил меня с сообщением о трагической судьбе вашего отца, талантливого певца чувашского народа. Зато наш техникумский комик, народный артист Ефим Никитин рассмешил нас всех своим неповторимым талантом.

Узнав, что Зианна Грин, московская девчонка Зина Крылова, выпускница Щукинского высшего училища, канадский чуваш удивился, и разговор зашел на театральные подмостки. В развлекательной части вечера и они выступили дуэтом перед многонациональными гостями. На канадской земле мощно прозвучали чувашские и русские песни.

А после концерта Джон Грин повел их снова к картине Рафаэля.

— Я, конечно, не любитель репродукций любых творений художников, — объяснил он причину возвращения к торговцу картин. — Но ведь оригинал «Сикстинской мадонны» в Дрезденской картинной галерее. Покупать невозможно. Но чертовски нравится он мне, этот шедевр шестнадцатого века. Придется нарушить свой нрав и...

Антонов, приподняв руку, остановил его:

— Погодите, господин Грин, не торопитесь, не нарушайте старую английскую, тем более вашу, семейную традицию. Зачем вам дубликат «Сикстинской мадонны», когда рядом — благородный живой облик душевной чистоты и красоты. На мой взгляд, вы давно приобрели в Москве «Русско-чувашскую мадонну». Остается обнять и поцеловать оригинал Красоты. Не так ли?

— Славно, славно, господин Антонов. Bravo! — воскликнул англичанин, переглядываясь то на «Мадонну» Рафаэля, то на свою мадонну. — Пожалуй, вы правы. Как говорят русские, положили меня на лопатки. Сдаюсь. Молюсь богу за то, что нашел ее, Красоту земную. Будем жить без репродукций. Живая картина дороже.

От сильных объятий и поцелуя мужа, Зианна взвизгнула и, кокетливо покружившись, с завистью партнерши бросила торжествующий взгляд на серьезную, чуть печальную «Сикстинскую мадонну».

Погостившись в Монреале и у Антоновых, чета Грин из Канады направилась в США. На заднем кресле лимузина Зианна почти всю дорогу дремала, в голове кружились мысли об отце и о Мигулае.

В Штатах запомнилась другая встреча с россиянином.

Военная судьба в числе многих тысяч вояк, в том числе и земляка Мигулая Симунова, забросила за океан. Максим Пантин тоже стал жертвой жестокой бойни миллионов людей сороковых годов прошлого века. Кровавая и горькая дорога судьбы повела его от родных мест, Родины в чужой, капиталистический мир и не погубила. Несчастного иммигранта не сбросили в океан. Стойкий чуваш из Главополя сумел выстоять, победить жизненные стихии, стал нужным человеком в этой стране, вкальвал, прилично зарабатывать, учился, стал врачом, наладил нормальную цивилизованную жизнь. Любимая работа, домашняя клиника, отсутствие финансовой проблемы, дружная

семья, отдых великолепный... Что еще надо? Только ностальгия временами сверлила сердце как короед.

Надо же было Зианне Грин попасть именно в клинику Пантина. Его сын искусно сделал ей операцию аппендэктомии и десять дней лечил. В это время и близко подружились супруги Грин с земляком Мигулая Симунова. Старый доктор расспрашивал и допрашивал Зианну. Ему все интересно было узнать о Чувашии, Москве, Лондоне. Любопытно узнать о жизни своих вурнарских, главопольских земляков. Сколько раз уже просмотрели видеофильмы, заснятые в ходе рабочей поездки главопольских друзей Мигулая Симунова и Анания Платонова. И генеральный директор, и исполнительный директор поочередно побывали на передовых предприятиях мясной перерабатывающей промышленности, набирали опыта, приобретали самые современные технологические линии для своего предприятия, проживали у своего земляка. Каждый кадр с Мигулаем запомнился Зианне, каждое произнесенное его слово врезалось в сердце. В повседневных беседах с земляком Мигулая, она чувствовала близость духовного притяжения любимого, через старого доктора захотелось связаться по мобильному телефону (у него был его номер), но, испугавшись чего-то неожиданного, резко остановила свое решение. Но мысленно болтала с ним.

Вернувшись в Лондон, она снова начала проводить время с туристами и ей все время казалось, что вот-вот в автобусе, идущем из аэропорта Хитроу с российскими туристами, перед глазами возникнет силуэт прямо сидящего полнотелого здорового мужчины пятидесяти пяти лет. Его черно-бурый локон волос, открытые глаза из-под смуглых ресниц, продолговатые скуластые щеки, соразмерно умеренный нос и красивые губы, идущая из глубины души нежная улыбка, успокаивающий голос... На остановке выйдет из автобуса, быстрой семенящей походкой приблизится к ней и крепкими руками обхватит ее талию... Сколько раз она уже нежится в его объятиях, мучается нестерпимым чувством женского бурного вожделения. Мысли и воображения успокаивают только душу, а тело остается в адском состоянии, ожидая живого соприкосновения с любимым.

Близкие супружеские ночные увлечения не дарят ей настоящего оргазмического удовлетворения. Она мечется в образном мире страстей. После таких мучительных ночей все тело становится пошатнувшимся, разбившим, в голове начинается шум морского прибоя, ноют суставы, теряется сила. В таком переломном состоянии женскому организму, конечно, по мирскому положению, обязательно требуется текущий ремонт. А, ремонтника вызвать...

Образ Мигулая, словно мифологический дух, снова заковал ее к колдовской кровати своей спальни, подарившей им жар-птицу волшебного царства блаженства. Проведенные с ним короткие дни и ночи во время отсутствия мужа, улетели в сказочный мир. И сейчас нет Джона. Он уехал в Болгарию. Нет рядом и любовника. Мигулай-не гуляй, пожалуй, гуляет в своих Вурнарах. Он только в ее мысленном объятии, не оживляет старушку-любовь эликсиром молодости, хотя и через тридевять земель возбуждает пылающую любовью огонь-бабу. Перед глазами — московские, вурнарские, чебоксарские картины жизни... Она, в возбужденно-расслабленном состоянии женского вожделения, тихонечко закрывает глаза, и...

В Вурнарах стоит знойная жара. И ночи греют до утра. Мигулай Зианну тащит за собой в мясокомбинатский сад. Оба рады до ушей. На скамейке, под яблоней, как в раю. Луна с небосвода сыплет на них звезду за звездой. Обуянные азартом древней людской игры, они непрестанно качаются на лайнере любви. Прилив страстей чередуется с отливом волн блудливого вожделения. Зианна, чуть ли не потеряв сознание, начинает судорожно метаться в семибальном шторме коитуса, и вдруг вокруг загромыкает. Сверля ночную мглу острыми лучами, к ним приближается Змей-Горыныч. Мигулай быстро вскакивает и начинает сражаться со злодеем. Летят в сторону отрубленные большим острым топором головы змеи. Но враг коварен, незаметно пронзает ядовитым жалом грудь борца-богатыря. Ужас охватывает незащищенную женщину. От сильного крика оживает тигровая шкура, лежащая на полу и мигом мчится навстречу беде, сильным ударом сбрасывает Змея-Горыныча в океан. Проснувшаяся хозяйка дома протерла глаза и перекрестилась, молча сидела на кровати и думала: «Что бы это значило?»

Из Болгарии Джон Грин перескочил в Россию. Снова — к волжским берегам. Муж приглашает свою мадонну в Йошкар-Олу. Зианна, зная, что марийский город расположен недалеко от Чебоксар, не отказалась от соблазна: а вдруг ожидает ее новая встреча с Мигулаем-негуляем. Тем более она посетит и родную Москву. И она сразу же наметила маршрут своей поездки: Лондон-Москва-Вурнары-Чебоксары-Йошкар-Ола. Решила преподнести Мигулаю Симуну и комбинатским подругам-другам сюрприз с появлением инкогнито после долгой разлуки.

И вот она навстречу заре приехала в знакомый с юности незабываемый лесной край, с вокзала спешно направилась по улице Карла Маркса, будто опаздывает на работу.

Мясокомбинатский двухэтажный кирпичный домик серого цвета на северной стороне поселка Вурнары с конторой и клубом сохранился неизменно. Только почему-то центральный вход закрыт. В здание можно пройти только через контрольно-пропускной пункт.

— Куда путь держим, мадам? — строго и шутливо спросил охранник в форме десантника, перелистав паспорт гражданки Королевства Великобритании Зианны Грин,

— Прямо к генеральному — господину генералу Семенову, — поднятием руки ответила приезжая.

— Гм... — в нерешительности ладонью провел по лицу охранник и, немного смягчившись, сказал: — Не спешите к нему...

— Почему? Он сильно занят? Позвоните, пожалуйста, передайте, что я — из Лондона.

Охранник покрутился, покачал головой и грустным тоном пробормотал:

— Почему, почему? Почему вот, почемучка. Нету его, дорогая миссис Грин. Нет и все.

— Как же так? А где он? Может, в командировке? В Чебоксарах? В Москве? В какой-нибудь другой стране?

— Да, действительно в командировке — в Вечном царстве. Вообще, умер он. Похоронили его.

— Умер? Как? Когда?

Зианна Грин опомнилась только тогда, когда попала на территорию мясокомбината и прошла через зрительный зал бывшего клуба на второй этаж и, оказавшись в маленьком кабинете исполнительного директора Платонова. Из уст Анания Емельяновича она представила воображением театрального человека трагедию, поставленную на сцене открытого акционерного общества «Вурнарский мясокомбинат» хищными, беспощадными режиссерами. Не согласившись играть грязную роль москвичей и отказавшись от миллионных подачек, Семенов выступил своим сценарием и блестяще показал настоящую игру своей труппы перед широкой аудиторией Чувашии. Его постановка под названием «Вурнарский агрохолдинг» до сих пор не сходит со сцены агропромышленного комплекса республики. Его аплодировали вельможи, приняв за лучшую постановку последних лет в рыночно-экономической игре.

Как радостно встретили ее старые подруги по работе. — Они повели ее по цехам и, как новенькой показывали свои и коллективные достижения.

— Ой, разве можно было думать об этом в те шестидесятые годы? Я поражена вашей революцией на комбинате, — то и дело

восхищенно вскрикивала бывший мастер Зина Крылова, сравнивая старое с новым и скрупулезно знакомясь с четко налаженным ритмом производства.

Начиная с убойного цеха, кончая выпуском консерв, действует первоклассное оборудование, закупленное на свои же заработанные деньги в Швейцарии, Германии, Италии, США и смонтированное с помощью иностранных специалистов.

— И ваш муж, мистер Грин, нашел общий язык с нашими красотками и шушукался с ними на англо-чувашскую манеру. Кто знал, что и кишки животных можно обработать машиной-автоматом. Большой поклон ему от нас за науку и технику отличную, — сказала одна.

— Передам. Сейчас он у марийцев. Я тоже поеду туда. Ой, каких-только изменений нет у вас. Даже наладили производство консервных банок. А колбасная линия... Прелесть. Я свой разделочный цех не узнала. Все новое, удивительное для меня.

А комбинатские «гиды» с восторгом продолжили рассказ о делах коллектива. Все достижения последних лет, в основном, достигнуты благодаря неутомимой, творческой деятельности Мигулая Симунова. Об этом все время подчеркивали они. Прежде всего директор добился создания живой базы из двух развалившихся свинок-комплексов. Иначе, без этой базы, не было бы устойчивой жизнедеятельности мясокомбината. Приобретенные и поставленные на ноги свиноводческие комплексы обеспечивают десятками тысяч голов. Это — восемьдесят процентов промышленного производства свинины в республике. Сельхозпредприятия с пятью тысячами гектаров земли, входящие в агрохолдинг, обеспечивают свинок-комплексы кормами. И комбинат сыт живым мясом, и село здравствует. У сельчан нет никаких проблем ни с сельхозтехникой, ни с горюче-смазочными материалами. ОАО закупило новые трактора и комбайны. Появилась своя МТС. Зерновых получают свыше сорока центнеров с гектара. Жители четырех хозяйств поняли настоящий вкус хлеба и мяса. В структуре холдинга они вернули себе свое былое крестьянское счастье, ведь до принятия их к себе Семеновым, они оказались на обочине революционных преобразований в сельском хозяйстве. Вовремя выгасил их из болота равнодушия умный и смекалистый хозяйственник — сын прославленного главопольского комбайнера. Николай Симунов вместе с ними проводил весенний сев, вместе с ними убирал богатый урожай.

Если другие мясокомбинаты республики много используют привозное, закупленное мороженое мясо, то вурнарцы выпускают свои

мясные продукты исключительно из местного сырья. Сырьевая производственная база комбината позволяет довести производительность в три-четыре раза. Ежедневно выпускается свыше двадцати тонн высококачественной мясной продукции восьмидесяти с лишним наименований, без вкусоусилителей, красителей, консервантов и иных добавок.

— Если б знали все покупатели об этом, наш престиж поднялся бы еще выше, — без хвастовства сказала другая. — Мы хотим, чтобы продукция наша была полезной для здоровья людей, вкусной, не только с привлекательной оболочкой. В Чувашии только наш комбинат выпускает сырокопченые колбасы и мясные консервы. Обязательно попробуешь их.

— Пока не наемся вашими всеми видами мясных деликатесов, не поеду к мужу, буду жить у вас, — пошутила Зианна Грин.

— Мы очень рады оставить тебя, дорогуша, у себя насовсем. Не хочешь ли продолжить свою первую производственную деятельность? — с улыбкой спросила третья. — Подберем тебе хорошую работу, чувашского кавалера. Хватит чахнуть в лондонских туманах.

Зианна заманчиво выслушала ее и, немного подумав, ответила:

— Был бы жив Николай Алексеевич, может быть, и согласилась бы...

Вспомнив давнишнюю дружбу Симунова с Крыловой, друзья обняли гостя:

— Да, любили мы его так же, как ты, милая.

Сидя в тесной каморке исполнительного директора, лондонская мадонна внимательно слушала хозяина и сама рассказала о встрече в США с его земляком, лично передала горячий привет от него. Разговор зашел далеко.

— Николай очень напряженно работал, порою уставал, — взглянув на портрет друга, висящего напротив, сказал Платонов. — И я решил помочь ему разгрузить с плеча часть проблем. Мне, ранее долгое время работавшему на Чебоксарском мясокомбинате и в Йошкар-Оле, не были они такими трудными и не разрешимыми. Взались, как говорится, за рога. Много хорошего, прогрессивного успели свершить. Ритмичная работа комбината давала нам дополнительной силы и воодушевляла. Ежегодно чистого дохода начали получать около десяти миллионов рублей. Только налогов платили двадцать миллионов в год. Из них по два миллиона перечисляли в районный бюджет. За счет нас и завода смесевых препаратов держится Вурнарский район и заслужил похвалы от руководства республики.

В это время в кабинет зашла секретарь и, извинившись за беспокойство, попросила Анания Емельяновича задержаться после работы, намекнув, что, мол, «есть у генерального директора важное дело». Платонов продолжил свой рассказ:

— Нападение «московских горилл» на нас началось еще года три тому назад. Николай насмерть стоял перед натиском и не дал проглотить им своего детища, сумел сохранить агрохолдинг для пользы района и республики. А Николай так сильно переживал, искал поддержки. Не находя ее, рвался в бой с теми, кто прямо или тайком подсматривал на его директорское кресло. Несмотря на усталость и недомогание, не вешал носа, выдвигал все новые и новые идеи, строго спрашивал со всех. Для него исполнительность дисциплины была превыше всего. Напряжение накалялось. И вот, после бурной и жесткой планерки... Не стало его. Остались вечная память благородства во имя процветания комбината, его коллектива и незаконченные дела.

Как бы, напоминая о начатых и незавершенных планах, со стены на них вопросительно смотрел своими открытыми прозорливыми глазами, и нежной улыбкой привлекая к себе, главопольский мужик с крестьянским лицом.

Зина-Зианна, Птичка-невеличка не выдержала, позабыв о стыде, подошла к нему, поцеловала в крашенные губы Мигулая и оживила своим жаром целинника-неугасимой любви.

18–19 января 2006 года.

Земля Чувашская

The Land of Chuvashes

The Chuvash Republic is situated in the centre of European part of Russia between the Sura and the Sviyaga rivers. It occupies the territory of 18,300 square km. Cheboxary founded in 1469 is the capital city of the republic. Today the number of its inhabitants is about half a million.

Chuvashia is between industrially developed centres of Russia: in the west it borders on Nizhny Novgorod region, in the north - Republic of Marii El, in the east - Republic of Tatarstan, Republic of Mordovia and Ulyanovsk region are its southern neighbours. The distance between Cheboxary and Moscow is 650 km. The republic is connected with the regions of Russia by means of high- and railway, river and air routes. In October 1995 the airport in Cheboxary became international.

The Chuvash Republic has unique nature. Big rivers the Volga, the Sura, the Tsvil, as well as more than 400 lakes are sources of water. One of the resources of the republic is forestry: forests cover one third of its territory, mainly along the Volga and the Sura rivers. High oak, pine and mixed forests add a rich palette of nature. Elk, bear, wolf, wild boar, hare, fox, marten and otter are typical representatives of the fauna.

Chuvashes are one of numerous nationalities of Russia. Ancestors of Chuvashes are seminomadic tribes of ancient Bulgars and Suvars, who lived in the 5th-8th centuries in the Northern Caucasus. In the 7th-8th centuries one part of Bulgars moved to the Balkans and was dissolved among Slavs, another part settled in the Middle Volga region. It is this part that an ethnic basis of Chuvashes and Kazan Tatars lies.

Formation of Chuvashes as a single nationality took place on the basis of the rural Bulgar population that did not take Islam, it was over at the turn of the 15th-16th centuries. In 1551 Chuvashes joined Russia.

The language of Chuvashes belongs to the Bulgar subgroup of the Turkic group of the Altai family of languages.

Chuvashes are famous for great people: the architect Petr Yegorov, the scientist-orientalist Nikita Bichurin, the well-known in the world bass Maksim Mikhaylov, the ballet-dancer Nadeshda Pavlova, the cosmonaut-3 Andrian Nikolaev, the ship-builder Aleksey Krylov, the artist Praski Vitti, the author of the well-known poem «Narspi» Konstantin Ivanov, the opera singers Maria Yelanova and Valeriy Ivanov.

In such a beautiful picturesque part of the country was born and grew up another Chuvash batyr Migulay Simun, who has got a profession of an engineer and skilfully led the collective of Vurnary meat-packing plant. While being reconstructed the enterprise he flies to London to buy some new equipments, where meets his love of youth. The Russian girl by name Zina, once worked in Vurnary meat-packing plant, then married an English business-man mister Green, became Mrs. Ziana Green. Working as a guide she introduces the russian tourists the misty country of Albion and in absence of her husband, she presents Migulay facinating smile and gentle weasel.

Later having arrived in Russia, Zianna Green learns about the death of his Migulay Simun, persecuted by cunning enemies, who wanted to seize his developing high-productive meat-packing plant. But he as a patriot of Chuvashia does not surrender even under the muzzles of sub-machine guns nor for bags of dollars.

The Love of the Russian Beauty and Chuvash good lad remained on the earth as the eternal beauty of mankind.

In the course of exchanges of gunfire for power, the shareholders were able to hand in the steering wheel of the new agroholding in time to other talented organizer Yuriy Popov. With his command he continues the commenced work of his former director. Agroholding includes 4 agricultural enterprises with 5 thousand hectares of land (gets 40-45 centners of corn, 300-350 centners of potato of pern), 2 pig – breeding complexes with 10 thousand pigs. It has a powerful machine-tractor park, subsidiary facilities.

The Meat-packing plant works on local raw material, produces more than 20 tons of high-quality product of 80 names. Its natural sausage products, meat tins won many prizes and diplomas in Moscow, at different exhibitions. Agroholding is an example of the successful development of agroholding complex of the country. Based on learning the experience of Vurnary agricultural work, new agroholdings are being organized.

The Chuvash Republic, including Vurnary agroholding, has got the worthy estimation of the minister of the agriculture RF Aleksey Gordeev for successful performing the national project «Development APK».

Agriculture

Однажды после поездки по району на бричке, запряженной белым конем, друг мой Леня Тянгов, секретарь райкома комсомола, с улыбкой оповестил:

– Володя, вечером встретимся в клубе мясокомбината. Там будет концерт грузинских артистов. Сам директор Михаил Болтухов приглашает.

– Добро, сказал я и пошел писать материал для газеты.

Этот очаг культуры, построенное в 1959 году для конторы и клуба двухэтажное здание с балконом в сторону улицы, привлекал многих вурнарцев, в том числе и нас, холостяков. Чудесные вечера отдыха организовывала мастер разделочного цеха мясокомбината москвичка Зина Крылова, руководитель художественной самодеятельности. И на этот раз мы не ошиблись.

Как только заиграла кавказская музыка, на сцену выплыли словно лебеди, красиво одетые пожилая и юная танцовщицы. В форме горца выскочил... наш давнишний знакомый, начальник колбасного цеха Исаак Георгиевич Нариманидзе. Грузинская семья демонстрировала великолепный номер.

Вслед за «лезгинкой» наши чувашские красавицы под звуки баяна так здорово исполнили танец «Линкка-линкка авкаланма юман хъма кирлэ...» Даже дубовый пол созвучно издавал музыку народную.

С 1953 года прописались эти кавказцы в Вурнарах. Глава семьи отлично организовал производство колбасных изделий с высоким качеством. Даже в Москве знали и всегда ждали колбасу «Нариманидзе» Вот бы и сейчас удивить покупателей таким сортом. С тех пор вурнарские колбасы не теряют свою отличную марку среди известных российских мясокомбинатов. Существующее с 1933 года предприятие давно известно за пределами Чувашии и крепко конкурирует в Москве, Нижнем Новгороде и других регионах страны, поддерживает тесную связь с иностранными партнерами.

Исаак Нариманидзе воспитал настоящих мастеров колбасного производства. Его дело продолжила Людмила Сергеевна Пивень. Она, научив другую смену, с 1974 года возглавляет производство комбината.

Главные руководители Михаил Болтухов, Валентина Павлова, Николай Сеницын, Николай Семенов из года в год расширяли, строили цеха, обновляли технологические линии, укрепляли трудовой коллектив. Пропитанные естественным запахом мужественные люди душой дорожат своим комбинатом. В свободное от труда время проводят совместно праздники, веселятся, исполняя грузинскую «лезгинку» и чувашскую «линкка-линкка», русскую «барыню» и украинского «гопака»... Многонациональный коллектив как единая семья живет и здравствует в Вурнарах.

10.04.2007 г.

50%

Владимир Прокопьевич Кузьмин

ВЗЛЕТ

Повесть

Редактор М. А. Васильев

Технический редактор А. В. Сорокин

Подписано к печати 20.05.2007.

Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Физ. печ. л. 6. Тираж 1500 экз. Заказ № 70.

Отпечатано в типографии «Новое Время».
428034, г. Чебоксары, ул. М. Павлова, 50/1. Тел.: (8352) 41-27-98.

ОАО "Вурнарский мясокомбинат"

Россия, Чувашская Республика, 429220, п. Вурнары, ул. К. Маркса, 54.
Тел. (83537)2-11-64, 2-15-39. Факс (8352) 62-15-39

Юрий Алексеевич Попов,
генеральный директор,
мастер спорта СССР
по греко-римскому спорту

"Вурнарский мясокомбинат" – один из крупнейших и успешно работающих мясоперерабатывающих предприятий республики. Его продукция, охватывающая более 80 наименований известна далеко за пределами Чувашии и имеет высокую репутацию.

Успешная руководством мясокомбината стратегия развития отличается грамотной маркетинговой политикой и последовательностью. В период стагнации производства предприятие сумело не только сохранить здоровые традиционные рабочие отношения с традиционными партнерами, но и приобрести и поставить в два крупных свиноводческих комплекса. Сегодня комбинат насчитывает по 5000 голов свиней, что позволяет обеспечить около 80% промышленного производства свинины республики.

Еще четыре входящих в агрохолдинг сельхозпредприятия Вурнарского района обеспечивают свинок комплексы кормами. Крестьяне этих хозяйств, отдавая комбинату свои земельные паи, не знают больших проблем ни с сельхозтехникой, ни с ГСМ. Мясокомбинат использует исключительно местное сырье, что позволяет стимулировать развитие сельхозпроизводства в районе. Продукция вурнарцев выигрывает и в ценовой конкуренции с ближайшими соседями. Эффективному сочетанию цены и качества способствует первоклассное оснащение производства. Современное оборудование немецкого, итальянского, швейцарского производства позволяет выпускать ежедневно до 20 тонн высококачественной продукции: 33 наименования вареных колбас, сосисок, сарделек, 22 вида варенокопченых, полукопченых и 14 – копченых изделий. Ныне комбинат – единственное мясоперерабатывающее предприятие в Чувашии, производящее сырокопченые колбасы и мясные консервы.

Надежда Емельянова,
свиноварка с "новорожденным"

Чувашская Республика, в том числе и Вурнарский агрохолдинг, заслуженно получили достойную оценку министра сельского хозяйства РФ А. Гордеева за успешное выполнение национального проекта "Развитие АПК".

В составе агрохолдинга 4 сельхозпредприятия с 5 тысячами гектаров земли, 2 свиноводческих. Имеют свои хозяйственные службы, мощней машинно-тракторный парк.

ОТКРЫТОЕ АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО
СТРАХОВАЯ КОМПАНИЯ «ЧУВАШИЯ-ПОДДЕРЖКА»

428024, Чувашская Республика, г. Чебоксары, пр. Мира, д. 90/1
 Тел.: (8352) 56-95-17, 56-94-84. Факс (8352) 56-98-73е-mail: pod@cbx.ru. www.podderjka.ru

Сегодня ОАО Страховая Компания «Чувашия-Поддержка» – это перспективная, быстро развивающаяся компания на рынке страховых услуг, имеющая устойчивое финансовое положение и деловую репутацию.

«В ЧЕМ СЕКРЕТ НАШЕГО УСПЕХА?»

БОГАТЫЙ ОПЫТ –

ОАО СК «Чувашия-Поддержка» работает с 1992 года.

ПРОФЕССИОНАЛИЗМ –

ОАО СК «Чувашия-Поддержка» – одна из ведущих компаний в республике, ведущая льготное страхование сельских товаропроизводителей.

ШИРОКИЙ СПЕКТР СТРАХОВЫХ УСЛУГ

на основании лицензии № 3495Д Министерства финансов РФ ОАО Страховая Компания «Чувашия-Поддержка» предлагает восемнадцать видов страхования, среди которых:

1. страхование урожая с/х культур и многолетних насаждений;	6. страхование гражданской ответственности владельцев транспортных средств;
2. страхование с/х животных;	7. страхование строительно-монтажных работ;
3. страхование средств наземного транспорта;	8. страхование домашнего имущества;
4. страхование имущества юридических лиц;	9. страхование объектов лизинга.
5. страхование от несчастных случаев;	

З.В. Воробьева,
генеральный директор

ПАРТНЕРЫ КОМПАНИИ –

являются крупные промышленные и пищевые предприятия городов Чебоксары и Новочебоксарск, большинство сельскохозяйственных предприятий различных организационно-правовых форм.

ЕДИНСТВО –

ОАО Страховая Компания «Чувашия-Поддержка» входит в Ассоциацию страховщиков России, Ассоциацию «Агропромстрах», Ассоциацию страховщиков «Большая Волга».

ПРИНЦИПЫ РАБОТЫ –

территориальная близость к страхователю, работа со всеми категориями страхователей, постоянное расширение круга услуг.

НО САМАЯ БОЛЬШАЯ ЦЕННОСТЬ – ЭТО НАШИ КЛИЕНТЫ. МЫ РАБОТАЕМ ДЛЯ НИХ И РАДИ НИХ.

ОАО СК «Чувашия-Поддержка» поможет Вам почувствовать себя уверенным в завтрашнем дне!

«ЗОЛОТАЯ КОРОНА КАЧЕСТВА»

РСПКК «Согласие» успешно сотрудничает с Германским кооперативным союзом «Райффазен». При его организационной и финансовой помощи проводятся семинары для руководителей и специалистов наших кредитных кооперативов.

428024, г. Чебоксары, пр. Мира, 90 корп. 1. Тел. (8352) 56-94-84, 56-95-17
 е-mail: rspkksoglasie@rambler.ru, www.podderjka.ru

СОГЛАСИЕ